ЗАВЕСА АТАНОРА
ДЖОРДАН КРОСС

Завеса Атанора

Джордан Кросс

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Призраки Марселя

Глава 2. Пыль архивов

Глава 3. Женевский связной

Глава 4. Тень в сети

Глава 5. Анатомия террора

Глава 6. Брюссельский лабиринт

Глава 7. Лицо инквизитора

Глава 8. Охота на охотника

Глава 9. Точка невозврата

Глава 10. Рассвет над Парижем

Пролог

Дождь смывал с парижских улиц остатки дневной суеты, превращая асфальт в черное зеркало. Возле офисного здания на рю де Курсель стояла тишина, нарушаемая лишь гулом отдаленного трафика. Мари Дюбуа, известный бизнес-коуч и давняя знакомая Элены Моро, плотнее запахнула плащ и ускорила шаг к подземной парковке. В ее сумке лежала флешка с финансовыми отчетами, которые не должны были существовать. Отчеты благотворительного фонда, чьи транзакции странным образом совпадали с датами политических убийств по всей Европе.

Эхо ее шагов отражалось от бетонных стен паркинга. Тусклые люминесцентные лампы мигали, отбрасывая длинные тени. Возле ее серебристого «Пежо» стоял фургон без номеров. Дверца фургона скользнула в сторону еще до того, как Мари успела нажать кнопку разблокировки на брелоке.

Двое мужчин в темных куртках шагнули наперерез. Никаких криков, никаких требований отдать кошелек. Движения были отработанными, механическими — так работают профессионалы, а не уличная шпана. Один из них поднял руку. В тусклом свете блеснул глушитель.

Мари бросилась за колонну за секунду до того, как сдавленный хлопок разорвал тишину, и бетонная крошка брызнула ей в лицо. Она побежала к выходу на лестничную клетку, сбрасывая туфли. Дыхание обжигало горло. Позади раздавались тяжелые, размеренные шаги. Они не бежали. Они загоняли цель.

Дверь на лестницу поддалась с громким скрипом. Мари взлетела на пролет, судорожно доставая телефон. Связи не было — глушилка. На втором этаже она толкнула тяжелую противопожарную дверь и вывалилась в темный коридор технического этажа.

— Она не могла уйти далеко, — голос снизу звучал спокойно, почти скучающе. Рация на плече преследователя коротко треснула. — Объект в здании. Ложа требует чистого исполнения. Никаких следов. Оформим как самоубийство на почве депрессии. СМИ уже проинструктированы.

Мари зажала рот рукой. «Ложа». Это слово она видела в тех документах. «Атанор». Они называли себя исследователями, борцами с деструктивными культами, спасителями заблудших душ. На деле это был фасад, за которым скрывались бывшие офицеры разведки, масоны и контрабандисты, устраняющие конкурентов под видом защиты общества.

Шаги приближались. Луч тактического фонаря скользнул по стене в метре от ее укрытия за вентиляционным коробом. Мари нащупала в кармане ключи. Если она бросит их в другой конец коридора, у нее будет ровно три секунды, чтобы проскользнуть к пожарному выходу.

Металлический звон ключей о плитку заставил луч света метнуться в сторону. Прогремели два тихих выстрела. Мари рванулась к двери, ударила по ручке «антипаника» и вывалилась на пожарную лестницу, ведущую в переулок. На третьем пролете ее обожгло сбоку: одна из пуль все-таки задела ее под ребрами. Она не остановилась. Холодный ночной воздух ударил в легкие, железные ступени поплыли перед глазами, но она добежала до улицы, успела спрятать флешку в щель за водосточной трубой и набрать единственный номер, который помнила наизусть. «Элена», — прошептала она в трубку, прежде чем упасть у закрытой аптеки. На этот раз система дала сбой: Мари осталась жива. Но охота только началась.

Глава 1. Призраки Марселя

Запах соли и разогретой на солнце солярки въелся в кожу так глубоко, что даже жесткая щетка и хозяйственное мыло уже не справлялись. В ангаре номер четыре, расположенном на отшибе Старого порта Марселя, было душно. Вентиляторы под потолком лениво гоняли влажный воздух. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь мутные, давно не мытые окна под крышей, ложась косыми пыльными полосами на бетонный пол.

Звук наждачной бумаги, трущейся о стекловолокно, был монотонным, убаюкивающим. Алекс Ривера, для всех здесь — Тома, угрюмый механик с испанскими корнями, методично зачищал пробоину на днище старой рыбацкой лодки. Движения были автоматическими, мышечная память работала безупречно, оставляя разум свободным. Но свобода эта была иллюзорной. Память, как и этот запах солярки, въелась намертво.

Металлический лязг отодвигаемой створки ворот разорвал монотонность работы. Звук был резким, неправильным. Створка шла туго, со скрежетом цепляясь за направляющие, словно ее толкали в спешке, не заботясь о шуме.

Алекс замер. Рука с наждачной бумагой опустилась. Он не обернулся сразу, прислушиваясь. Шаги были тяжелыми, неровными. Кто-то волочил ногу по бетону. Дыхание вошедшего было хриплым, с присвистом, какое бывает, когда легкие не справляются с нагрузкой. Или когда в них набирается кровь.

— Тома, — голос был слабым, но знакомым. Слишком знакомым, чтобы принадлежать этому месту.

Медленно положив инструмент на верстак, Алекс повернулся. У входа, привалившись плечом к металлическому косяку, стоял Жан. Бывший куратор из французской разведки, человек, который учил его исчезать, человек, который должен был остаться в прошлой жизни. Сейчас Жан выглядел так, словно эта прошлая жизнь его догнала и переехала тяжелым грузовиком.

Светлый плащ был изодран на левом боку и пропитан темным, почти черным в полумраке ангара. Правая рука судорожно сжимала окровавленную ткань, пытаясь остановить кровотечение. Лицо Жана, обычно невозмутимое, как маска, сейчас было серым, покрытым испариной. Глаза лихорадочно блестели.

— Ты не должен быть здесь, — тихо сказал Алекс, инстинктивно делая шаг назад, к верстаку, где под тряпкой лежал старый, но надежный «Глок».

— Знаю, — Жан закашлялся, и на губах выступила розовая пена. Он оттолкнулся от косяка и, пошатываясь, сделал несколько шагов вглубь ангара. — У меня не было выбора. Они… они знают.

— Кто знает? О чем? — Алекс быстро подошел к нему, подхватывая под здоровую руку. Вес Жана оказался неожиданно большим, словно вместе с кровью из него уходила не только жизнь, но и способность держаться прямо.

Они добрались до старого деревянного стула возле верстака. Жан тяжело осел на него, запрокинув голову. Его дыхание стало еще более прерывистым.

— Сеть, — прохрипел он, с трудом фокусируя взгляд на Алексе. — Это не просто фанатики. Не просто борцы с сектами. Это прикрытие. Идеальное прикрытие.

— Жан, тебе нужен врач. Я вызову...

— Нет! — куратор резко дернулся, его пальцы вцепились в рукав комбинезона Алекса с неожиданной силой. — Никаких врачей. Никакой полиции. Они там. Везде.

Левой, дрожащей рукой Жан полез во внутренний карман плаща. Движение далось ему с трудом, лицо исказила гримаса боли. Он вытащил небольшой плоский предмет, завернутый в промасленную тряпку, и протянул его Алексу.

— Возьми. Здесь все. Имена, транзакции, связи. Как они используют антикультовые организации для легализации операций. Устранение конкурентов, шантаж, вербовка. Они создают монстров, чтобы потом с ними бороться, и под этот шум делают свои дела.

Алекс принял сверток. Под тканью угадывались контуры стандартного жесткого диска. Вес этого небольшого куска металла и пластика казался несоразмерным той угрозе, которую он представлял.

— Почему ты пришел ко мне? — спросил Алекс, разворачивая тряпку. Черный корпус диска был холодным. Никаких маркировок, никаких этикеток.

— Потому что ты мертв, — Жан попытался улыбнуться, но получился лишь болезненный оскал. — Для них тебя не существует. А я... я стал слишком заметным. Я подошел слишком близко к архивам.

Грохот снаружи заставил их обоих вздрогнуть. Это был не шум порта. Это был звук форсированного двигателя, резко затормозившего у ворот ангара. Визг покрышек по бетону, хлопки автомобильных дверей.

— Они здесь, — выдохнул Жан. Глаза его расширились, но страха в них не было. Только усталость и обреченность. — Уходи, Алекс.

— Я не брошу тебя.

— Ты уже бросил. Три года назад. И правильно сделал. — Жан отпустил рукав Алекса и попытался сесть ровнее. Правая рука скользнула под плащ. — Уходи через заднюю дверь. К воде.

Звук шагов снаружи был другим. Не тяжелым и волочащимся, а легким, пружинистым. Так ходят люди, привыкшие двигаться тихо и убивать быстро.

Створка ворот, которую Жан оставил приоткрытой, начала медленно сдвигаться в сторону. В образовавшуюся щель скользнул ствол штурмовой винтовки с интегрированным глушителем.

Алекс не стал спорить. Время для благородства прошло. Он сунул диск в карман комбинезона, одним движением сдернул тряпку с верстака, обнажая «Глок», и метнулся за корпус старого катера, стоявшего на кильблоках в центре ангара.

В ангар ворвались трое. Черное тактическое снаряжение без опознавательных знаков, балаклавы, приборы ночного видения, сдвинутые на лоб. Они двигались слаженно, как единый механизм, расходясь веером и беря под контроль пространство.

Первый выстрел прозвучал приглушенно, как хлопок петарды под одеялом. Жан, успевший вытащить свой пистолет, выстрелил первым, но пуля ушла в молоко, выбив искры из металлической опоры крыши.

Ответный огонь был коротким и точным. Две пули ударили Жана в грудь, отбросив его вместе со стулом назад. Он упал, не издав ни звука.

— Чисто, — коротко бросил один из наемников, опуская ствол. — Ищите носитель. Он должен быть здесь.

Алекс прижался спиной к прохладному стекловолокну катера. Дыхание стало ровным, пульс замедлился. Режим выживания включился автоматически, отсекая эмоции, оставляя только холодный расчет. Трое профессионалов. Хорошо вооруженных, скоординированных. У него — старый «Глок» с двумя запасными магазинами и знание планировки ангара.

Шаги приближались. Один из наемников обходил катер слева, другой — справа. Третий остался у ворот, контролируя выход.

Слева, на верстаке, лежал газовый баллон для сварки. Рядом — тяжелый разводной ключ.

Алекс выглянул из-за кормы катера. Наемник, обходящий слева, был всего в трех метрах. Его внимание было приковано к теням под днищем лодки.

Резкое движение. Алекс метнул разводной ключ не в наемника, а в вентиль газового баллона. Тяжелый металл ударил точно в цель, сбивая латунную головку.

С громким шипением газ вырвался наружу, заполняя пространство вокруг верстака белесым облаком. Наемник инстинктивно отшатнулся, поднимая оружие.

Этой секунды Алексу хватило. Он выскользнул из укрытия и дважды выстрелил в облако газа, ориентируясь на силуэт. Глухие удары пуль о кевлар, сдавленный вскрик. Наемник пошатнулся, но не упал.

Справа раздалась автоматная очередь. Пули вспороли стекловолокно катера в том месте, где Алекс находился секунду назад.

Он перекатился за массивную лебедку, укрываясь от огня. Ситуация ухудшалась. Газ быстро рассеивался.

— Атанор... — донеслось со стороны ворот. Голос был слабым, почти неразличимым за шумом выстрелов и шипением газа. Это был Жан. Он был еще жив.

Третий наемник, стоявший у ворот, резко обернулся к лежащему на полу куратору и коротко выстрелил ему в голову.

Слово повисло в воздухе. «Атанор». Алхимическая печь. Место трансформации.

Ярость, холодная и острая, как бритва, поднялась в груди Алекса. Он выглянул из-за лебедки. Наемник, которого он зацепил, пытался восстановить дыхание, опираясь на верстак. Второй осторожно обходил катер с другой стороны.

На полу, в метре от Алекса, валялся длинный ломик, которым он вскрывал ящики с деталями.

Алекс схватил ломик и, не поднимаясь в полный рост, метнулся к наемнику у верстака. Тот успел заметить движение, начал поворачивать ствол винтовки, но было поздно.

Тяжелый металл с хрустом опустился на ключицу наемника. Винтовка выпала из ослабевших рук. Алекс не стал добивать. Он выхватил пистолет из кобуры на бедре падающего противника и развернулся ко второму.

Два выстрела слились в один. Пуля наемника чиркнула по плечу Алекса, оставив горящий след. Пуля Алекса вошла точно в визор балаклавы.

Третий наемник, поняв, что ситуация вышла из-под контроля, открыл шквальный огонь по укрытию Алекса, прикрывая свой отход к воротам. Бетонная крошка и щепки полетели во все стороны.

Алекс не стал отвечать. Он бросился к задней двери ангара, ведущей прямо к воде. Дверь была заперта на массивный засов.

Выстрелы стихли. Раздался звук перезарядки.

Одним ударом ноги Алекс вышиб засов из скоб и вывалился на узкий деревянный пирс. Яркий солнечный свет ударил по глазам, ослепляя после полумрака ангара.

У пирса покачивался на волнах «Sea Ray», скоростной катер одного из постоянных клиентов. Ключи, как обычно, лежали под ковриком у штурвала. Беспечность богатых людей иногда спасает жизни.

Алекс запрыгнул на палубу, отвязывая швартовы на ходу. Дверь ангара с грохотом распахнулась. Наемник выскочил на пирс, вскидывая винтовку.

Два мощных двигателя взревели, когда Алекс повернул ключ зажигания и до отказа выжал рукоятки газа. Катер рванулся с места, задрав нос.

Очередь прошила воду в метре от борта, поднимая фонтанчики брызг. Следующая очередь разбила лобовое стекло, осыпав Алекса градом осколков. Он пригнулся, не сбавляя скорости, выводя катер из тесной гавани в открытое море.

Ветер бил в лицо, свистел в ушах, заглушая рев моторов. Марсель оставался позади, превращаясь в неясное пятно на горизонте. Алекс гнал катер на юг, в сторону Каланок — скалистых бухт, где можно было затеряться среди отвесных известняковых утесов.

Только когда берег скрылся из виду, а стрелка уровня топлива поползла вниз, он сбросил скорость. Катер плавно покачивался на бирюзовых волнах. Вокруг не было ни души. Только крики чаек и шум воды.

Алекс заглушил моторы. Тишина обрушилась на него, тяжелая, звенящая. Он опустился на сиденье, тяжело дыша. Плечо горело, рукав комбинезона пропитался кровью.

Жан мертв. Его укрытие раскрыто. Люди, убившие куратора, не остановятся. Они знают, что диск у него.

Алекс достал из кармана диск. Черный пластик был теплым от его тела. Он посмотрел на него, словно пытаясь разглядеть сквозь оболочку то, ради чего Жан отдал свою жизнь.

В рундуке под сиденьем лежал защищенный полевой терминал — старый, но надежный Panasonic Toughbook, который Алекс всегда держал под рукой на случай непредвиденных обстоятельств.

Он достал ноутбук, открыл крышку. Экран мигнул и засветился тусклым синим светом.

Подключение диска заняло несколько секунд. Система запросила пароль. Алекс замер. Жан не успел ничего сказать.

«Атанор». Слово, которое Жан произнес перед смертью.

Алекс ввел буквы. A-T-H-A-N-O-R.

Красный индикатор мигнул, сменившись зеленым. Доступ разрешен.

На экране появилась единственная папка. Имя файла состояло из случайного набора цифр.

Алекс дважды кликнул по иконке.

Экран потемнел. В центре медленно проступило изображение. Это был не текст, не таблица с именами. Это был логотип.

Скрещенные циркуль и меч. Древние символы, сплетенные в современный, минималистичный знак. Под ними — девиз на латыни: Ignis mutat res. Огонь изменяет вещи.

Алекс смотрел на экран, чувствуя, как холод пробирается под кожу, несмотря на палящее солнце. Это была не просто коррумпированная спецслужба. Это была структура, уходящая корнями в века, использующая современные страхи для достижения своих целей.

Они создавали секты, чтобы пугать общество. Они создавали антикультовые центры, чтобы это общество “спасать”. И под прикрытием этой борьбы они устраняли тех, кто стоял на их пути.

Жан был прав. Это было идеальное прикрытие.

Терминал тихо пискнул, сигнализируя о низком заряде батареи. Алекс закрыл крышку ноутбука.

Море вокруг было спокойным, почти безмятежным. Но Алекс знал, что это спокойствие обманчиво. Шторм уже начался, и он находился в самом его центре.

Он завел моторы и направил катер в сторону скрытой бухты. Ему нужно было время, чтобы изучить данные. И ему нужна была помощь. Человек, который сможет разобраться в хитросплетениях цифровых следов лучше, чем он.

В памяти всплыло имя. Имя из прошлой жизни, которое он надеялся больше никогда не произносить. Майя.

Катер разрезал волны, уходя все дальше от Марселя. Охота началась, и на этот раз дичью был он. Но Алекс Ривера не привык быть жертвой. Он был призраком. А призраки умеют возвращаться.

Глава 2. Пыль архивов

Вентилятор на потолке редакции «Ле Матен» вращался с монотонным скрипом, словно отсчитывая секунды до дедлайна. На столе Элены Моро, среди кофейных чашек с засохшей гущей и распечаток старых статей, лежал плотный желтый конверт. Без марок, без обратного адреса. Только ее имя, напечатанное на дешевом матричном принтере. Бумага конверта была жесткой, неприятной на ощупь, словно ее долго держали в сыром подвале.

Элена провела пальцем по краю клапана, чувствуя легкое сопротивление клея. Внутри оказались четыре листа формата А4. Копии полицейских рапортов. Верхний лист был исписан убористым казенным шрифтом, сквозь который проступали жирные штампы «Для внутреннего пользования».

Дата: Вчера. Место: Подземная парковка на рю де Курсель. Объект: Мари Дюбуа.

Текст сухо констатировал факт «хулиганских действий». Неизвестные повредили автомобиль госпожи Дюбуа, разбили лобовое стекло, нанесли ущерб имуществу паркинга. Ни слова о выстрелах. Ни слова о гильзах калибра 9 миллиметров, которые, по словам источника Элены в комиссариате, были найдены на месте происшествия. Ни слова о женщине, доставленной ночью в больницу с огнестрельным ранением под чужой фамилией. Только «хулиганство» и «состояние аффекта неустановленных лиц».

Второй документ был еще интереснее. Это была копия распоряжения из префектуры, предписывающего передать дело в отдел по борьбе с вандализмом, минуя криминальную полицию. Кто-то очень старался замять инцидент, превратив вооруженное нападение на известного бизнес-коуча в уличную потасовку.

Элена откинулась на спинку кресла, потирая переносицу. Глаза саднило от недосыпа и мерцания монитора. На экране был открыт недописанный черновик статьи о благотворительных фондах, финансирующих так называемые «центры по изучению деструктивных культов». Фондах, чьи финансовые потоки странным образом пересекались с офшорными счетами бывших силовиков и политиков правого толка.

Мари Дюбуа была одной из тех, кто начал задавать неудобные вопросы. Для Элены она была не только источником, но и подругой: они месяцами обменивались записями, финансовыми таблицами и именами людей, пострадавших от «Атанора». Мари публично критиковала методы этих центров, обвиняя их в травле и разрушении репутаций под видом защиты общества. И вот теперь — огнестрельное ранение, спрятанное за словом «хулиганство».

Телефон на столе коротко завибрировал. На экране высветилось имя Патрика, главного редактора.

— Зайди ко мне, — голос в трубке звучал глухо, без обычных саркастичных интонаций. — Сейчас.

Кабинет Патрика находился в конце коридора, отгороженный от опен-спейса стеклянной перегородкой с жалюзи. Обычно жалюзи были подняты, но сегодня они плотно закрывали обзор.

Элена толкнула тяжелую дверь. Патрик стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на оживленную улицу. На его массивном дубовом столе, обычно заваленном гранками, царил идеальный порядок. Только одна папка сиротливо лежала на зеленом сукне.

— Садись, — он не обернулся, продолжая изучать поток машин.

Элена опустилась в кожаное кресло для посетителей. Оно скрипнуло, нарушив тяжелую тишину.

— Ты получила конверт? — спросил Патрик, наконец повернувшись к ней. Лицо его было серым, под глазами залегли глубокие тени.

— Да. Полицейские рапорты по делу Дюбуа. Это подлог, Патрик. Они пытаются скрыть покушение.

— Я знаю, что это, Элена. — Он подошел к столу и сел, тяжело опершись локтями о столешницу. — И я знаю, кто тебе это прислал.

— Кто?

— Это неважно. Важно то, что ты должна прекратить копать под эти фонды. Статья снимается с публикации.

Слова упали тяжело, как камни.

— Снимается? Мы работали над этим материалом три месяца! У нас есть доказательства финансовых махинаций, связи с экстремистскими группировками, а теперь еще и попытка убийства!

— Нет никакой попытки убийства. Есть хулиганство. Так написано в официальном отчете.

— Ты сам веришь в этот бред? — Элена подалась вперед, опираясь руками о стол. — Они стреляли в нее, Патрик! В центре Парижа!

— Я верю в то, что мне говорят люди, от которых зависит существование этой газеты.

Он открыл папку, лежащую перед ним. Внутри был один-единственный лист бумаги. Без бланка, без подписи. Только несколько строк печатного текста. Патрик развернул лист к Элене.

«Публикация материалов, дискредитирующих организации, занимающиеся защитой общества от деструктивного влияния, будет расценена как пособничество экстремизму и угроза национальной безопасности. Последствия для издания и авторов будут самыми серьезными».

— Откуда это? — голос Элены дрогнул, несмотря на все усилия сохранить спокойствие.

— Из Министерства внутренних дел. Звонок был полчаса назад. Неофициальный, разумеется. Но предельно ясный.

— Они не могут просто взять и запретить нам писать правду!

— Могут, Элена. И уже сделали это. — Патрик закрыл папку и отодвинул ее в сторону. — Это не просто коррупция в мэрии или скандал с любовницей депутата. Это система. И она защищает себя.

Он откинулся в кресле, глядя на нее с усталым сочувствием.

— Пойми, эти антикультовые центры — они не просто сборище фанатиков. Это инструмент. Удобный, эффективный инструмент для зачистки политического и информационного поля. Они создают образ врага — «сектантов», «угроз обществу» — и под этим предлогом уничтожают любого, кто им мешает.

Элена вспомнила материалы, которые изучала последние недели. Статьи в восточно-европейских изданиях, финансируемых USAID, где независимых журналистов и политиков клеймили как агентов влияния. Кампании по дегуманизации, организованные сетью Александра Дворкина и его последователями. Ярлыки, которые навешивали на несогласных, оправдывая травлю и даже насилие.

— И мы будем молчать? Будем подыгрывать им?

— Мы будем выживать. — Патрик жестко посмотрел ей в глаза. — Я не позволю закрыть газету из-за твоего крестового похода. Сдай все материалы по этому делу. Черновики, записи, контакты источников. Все.

— Ты же знаешь, я не могу этого сделать.

— Элена, это не просьба. Это приказ. Если ты не сдашь материалы до вечера, ты уволена. С волчьим билетом. Ни одно издание в стране тебя не возьмет.

В кабинете повисла тишина, прерываемая лишь гулом машин за окном. Элена смотрела на человека, которого считала своим наставником, и не узнавала его. Страх сломал его, превратил в послушного исполнителя чужой воли.

Она медленно поднялась.

— Я поняла.

— Материалы, Элена.

— Они на моем компьютере. Пароль ты знаешь.

Она развернулась и вышла из кабинета, не оглядываясь.

В опен-спейсе кипела жизнь. Журналисты стучали по клавиатурам, спорили по телефонам, пили кофе. Никто не обращал внимания на Элену, когда она подошла к своему столу.

Она не стала садиться. Быстрым, отработанным движением она вытащила из системного блока флешку, на которой хранились все копии документов, диктофонные записи и переписка. Желтый конверт с полицейскими рапортами она сунула в сумку.

На экране монитора все еще светился недописанный текст статьи. Элена выделила все и нажала Delete. Затем очистила корзину.

Она не стала собирать вещи. Только куртка, сумка и флешка.

Элена направилась к запасному выходу, ведущему на пожарную лестницу.

Тяжелая металлическая дверь поддалась с трудом, жалобно скрипнув несмазанными петлями. Элена спустилась на три пролета и вышла во внутренний двор, заставленный мусорными баками.

Воздух здесь был спертым, пахло гниющими овощами и выхлопными газами. Элена быстро пересекла двор и вынырнула в узкий переулок, сливаясь с толпой туристов и клерков, спешащих на обед.

Она шла быстро, не оглядываясь, петляя по узким улочкам Латинского квартала. Страха не было. Было только понимание того, что игра изменилась.

Теперь она была одна против системы, которая не брезговала ни шантажом, ни пулями.

Кафе «Ле Де Маго» было заполнено наполовину. Элена выбрала столик в самом темном углу, подальше от окон и камер наблюдения. Заказала двойной эспрессо и достала из сумки планшет.

Общедоступный Wi-Fi был слишком опасен. Она подключила планшет к мобильной сети через зашифрованный VPN-туннель. Затем открыла мессенджер, иконка которого была спрятана глубоко в системных папках, замаскированная под приложение для настройки эквалайзера.

Интерфейс мессенджера был минималистичным — черный фон, зеленый шрифт. Никаких имен, только буквенно-цифровые идентификаторы.

Она набрала сообщение: «Нужна помощь. Срочно».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Что случилось? Ты пропала с радаров».

Это была Майя. Или «Тень», как она называла себя в сети. Хакер, с которой Элена познакомилась год назад во время расследования коррупции в мэрии. Майя была параноиком, гением кода и человеком, который ненавидел систему еще больше, чем Элена.

«Меня отстранили. Статью сняли. Давление сверху, уровень МВД».

Курсор на экране замер, словно Майя обдумывала информацию.

«Ожидаемо. Ты залезла в осиное гнездо. Что у тебя есть?»

«Копии рапортов по Дюбуа. Они оформили стрельбу как хулиганство. И финансовые проводки фондов».

«Скидывай проводки. Рапорты мне не интересны, это просто макулатура».

Элена подключила флешку через адаптер и загрузила файл с таблицами транзакций в зашифрованный канал.

Кофе принесли в маленькой белой чашке. Элена сделала глоток. Горечь обожгла язык, помогая сосредоточиться.

Прошло десять минут. Двадцать. Элена уже начала беспокоиться, когда на экране снова появился текст.

«Это не просто фонды, Элена. Это прачечная. И очень грязная».

«Подробности?»

«Смотри. Деньги поступают от частных жертвователей и государственных грантов. В том числе от различных европейских структур. Официально — на исследования деструктивных культов, реабилитацию жертв и прочую благотворительность. Но потом они дробятся на мелкие суммы и уходят на счета десятков подставных фирм-однодневок».

«Куда именно?»

«Я проследила три цепочки. Две ведут на Кипр, одна — в Панаму. Счета зарегистрированы на номиналов, но IP-адреса, с которых осуществлялся доступ к управлению счетами…»

Майя выдержала паузу.

«…принадлежат серверам, связанным с частными военными компаниями и бывшими сотрудниками французских и российских спецслужб. В частности, всплывает имя Виктора Болье».

Болье. Элена слышала это имя. Бывший офицер разведки, ушедший в частный сектор. Человек с обширными связями в правительстве и репутацией специалиста по решению деликатных проблем.

«Значит, антикультовые центры — это просто фасад для финансирования незаконных операций?»

«И не только финансирования. Это идеальная информационная завеса. Вспомни статью чешской журналистки о масс-шутинге. Она героизировала преступника, публиковала его манифест, смаковала детали. Зачем?»

«Чтобы спровоцировать подражателей?»

«Именно. Заражение, прайминг. Они создают атмосферу страха и нестабильности. А потом появляются спасители — те самые антикультовые центры, которые требуют больше полномочий, больше финансирования,

больше контроля над обществом. И под этот шум они устраняют или пытаются устранить неугодных, как Мари Дюбуа. Навешивают ярлык “сектанта” или “угрозы обществу” — и человек становится законной мишенью».

Элена смотрела на экран, чувствуя холодок вдоль позвоночника. Масштаб операции был колоссальным. Это была не просто коррупция. Это была технология управления обществом через страх и манипуляцию.

«И СМИ им в этом помогают», — набрала Элена.

«СМИ — это их главный инструмент. Сеть агентов влияния, таких как Мэтт Бернардини или Дейв Трой. Они вбрасывают нужные нарративы, организуют кампании по дегуманизации. Как с Трампом или Фицо. Создают образ врага, а потом кто-то берет в руки оружие».

«Что нам делать, Майя? У меня нет редакции. Я не могу это опубликовать».

«Публикация в одной газете ничего не изменит. Они просто объявят тебя сумасшедшей конспирологией. Нам нужны неопровержимые доказательства. Исходники. Базы данных. Внутренняя переписка».

«Где их взять?»

«Я нашла упоминание о сервере, который они используют для координации операций. Он изолирован от внешней сети. Доступ только по физическим ключам».

«Где он находится?»

«В Женеве. В хранилище частного банка. Я скину тебе координаты и инструкции».

«Женева? Майя, я журналист, а не шпион. Я не умею взламывать банковские хранилища».

«Тебе и не придется. У меня есть доступ к системе безопасности здания. Я проведу тебя. Но ключ придется достать тебе».

Элена допила остывший кофе. Пустая чашка тихо звякнула о блюдце. Выбор был невелик. Отступить — значит признать поражение и позволить

системе и дальше перемалывать людей. Идти вперед — значит рисковать всем, включая собственную жизнь.

«Я согласна. Скидывай инструкции».

Экран планшета погас на секунду, затем высветил длинный блок зашифрованного текста. Адреса, коды доступа, расписание смены охраны.

Элена скопировала данные на зашифрованный раздел флешки и удалила сообщение.

Она расплатилась наличными, оставив щедрые чаевые, и вышла из кафе. Париж жил своей обычной жизнью. Туристы фотографировались на фоне Нотр-Дама, студенты спешили на лекции, клерки возвращались в офисы. Никто из них не подозревал о невидимой паутине, опутавшей город, о людях, которые решали, кого назначить героем, а кого — врагом общества.

Элена спустилась в метро. Шум приближающегося поезда заглушил ее шаги. В кармане куртки лежала флешка — маленький кусок пластика, способный разрушить эту паутину. Или стать ее смертным приговором.

Она зашла в вагон и прислонилась к дверям, глядя на свое отражение в темном стекле. Усталое лицо, темные круги под глазами. Но в глазах была решимость.

Женева ждала. И ответы, скрытые в банковских сейфах, были только началом долгого пути во тьму. Кто еще охотился за этими секретами? И удастся ли ей добраться до них первой? Поезд с грохотом въехал в тоннель, унося ее навстречу неизвестности.

Глава 3. Женевский связной

Швейцария встретила Алекса Риверу мелким, колючим дождем. Капли барабанили по крыше арендованного «Фольксвагена», пока он медленно продвигался в плотном потоке машин по мосту Монблан. Женевское озеро,

обычно сверкающее сапфиром, сегодня выглядело свинцовым, отражая низкое, тяжелое небо.

Алекс свернул на улицу Рю дю Рон, где за неброскими фасадами скрывались офисы старейших частных банков Европы. Его цель — банк «Ломбард Одье», здание с тяжелыми дубовыми дверями и неприметной латунной табличкой. Здесь не было очередей, не было кричащей рекламы. Только тишина, конфиденциальность и деньги. Много денег.

В кармане пальто лежал фальшивый паспорт на имя Жюльена Дюпона, выправленный еще в те времена, когда Жан был его куратором. Этот документ был ключом к старым кодам доступа, оставленным Жаном «на черный день». День, который наступил слишком быстро.

Оставив машину на подземной парковке, Алекс поднялся на лифте в холл банка. Мраморный пол, приглушенный свет, тихая классическая музыка. За стойкой из красного дерева сидел клерк средних лет в безупречном костюме.

— Добрый день, месье, — клерк поднял взгляд, его лицо выражало профессиональную вежливость, не лишенную легкого оттенка настороженности. — Чем могу быть полезен?

— Жюльен Дюпон. У меня назначена встреча в отделе депозитарных ячеек.

Клерк сверился с монитором, скрытым за стойкой.

— Да, месье Дюпон. Прошу вас, пройдите к лифту номер три. Вас встретят на минус втором этаже.

Лифт опускался бесшумно. Алекс смотрел на свое отражение в полированных металлических дверях. Лицо осунулось, глаза запали. Последние двое суток он почти не спал, двигаясь по маршруту Марсель — Лион — Женева, постоянно меняя транспорт и проверяя, нет ли за ним хвоста.

Двери лифта разъехались. На минус втором этаже его ждал охранник в строгом костюме. Никакого оружия на виду, но выправка и цепкий взгляд выдавали бывшего военного или полицейского.

— Месье Дюпон? Пожалуйста, ваш паспорт и ключ.

Алекс протянул документы и небольшой металлический ключ, который Жан передал ему вместе с жестким диском. Охранник проверил паспорт под ультрафиолетовой лампой, затем вставил ключ в считывающее устройство. Раздался тихий щелчок.

— Прошу вас, месье. Ячейка номер 412. Третий ряд слева.

Охранник провел Алекса через бронированную дверь в само хранилище. Помещение было огромным, уставленным рядами металлических шкафов, уходящих под потолок. В воздухе стоял запах озона и старого металла.

— Я оставлю вас, месье, — охранник слегка поклонился. — Когда закончите, нажмите кнопку у выхода.

Алекс кивнул, дождался, пока тяжелая дверь закроется, и направился к третьему ряду. Шаги гулко отдавались в тишине хранилища.

Он нашел ячейку 412. Вставил свой ключ в нижнюю скважину, затем ввел шестизначный код на цифровой панели. Замок щелкнул, металлическая дверца приоткрылась.

Внутри лежал плотный пластиковый пакет. Алекс достал его, разорвал упаковку. Внутри оказались пачки документов: распечатки банковских проводок, копии договоров, схемы финансирования.

Он быстро просмотрел верхние листы. Взгляд выхватил знакомые названия: фонды, связанные с Александром Дворкиным, счета в кипрских офшорах, переводы на имя Виктора Болье. Жан не преувеличивал. Это была не просто коррупционная схема, это была кровеносная система огромной сети, охватывающей Европу и Россию.

Внезапный шорох заставил Алекса замереть. Звук доносился из соседнего ряда. Кто-то был в хранилище.

Он бесшумно закрыл ячейку, сунул документы за пазуху и скользнул к торцу ряда. Выглянул из-за угла.

В нескольких метрах от него стояла женщина. Темные волосы, собранные в хвост, кожаная куртка, джинсы. Она возилась с замком ячейки 415, держа в руке небольшой электронный прибор, подключенный к цифровой панели.

Алекс мгновенно оценил ситуацию. Женщина не была похожа на обычного клиента банка. И она явно пыталась взломать ячейку.

Он шагнул вперед, двигаясь бесшумно, как тень. Расстояние сокращалось. Три метра. Два. Один.

Женщина обернулась, почувствовав движение за спиной, но было поздно.

Алекс схватил ее за плечо, развернул и прижал к металлическим дверцам ячеек. Левая рука легла на горло, не сдавливая, но давая понять, что любое сопротивление будет подавлено. Правая рука зафиксировала ее запястье.

Электронный прибор со звоном упал на пол.

— Кто ты такая? — прошипел Алекс, глядя в расширившиеся от неожиданности глаза женщины. — На кого работаешь? «Атанор»? Болье?

Женщина попыталась вырваться, но хватка Алекса была железной.

— Отпусти меня, ублюдок! — ее голос дрожал от злости, а не от страха. — Я не знаю никакого Болье!

— Не лги мне. Что ты здесь ищешь?

— То же, что и ты, судя по всему, — она бросила взгляд на оттопырившуюся куртку Алекса. — Доказательства.

Алекс слегка усилил давление на горло.

— Доказательства чего?

— Того, что они пытались убить Мари Дюбуа!

Имя повисло в воздухе, словно заклинание. Алекс замер. Мари Дюбуа. Бизнес-коуч, пережившая покушение в Париже и исчезнувшая из официальных сводок так, словно ее уже похоронили. Жан упоминал ее имя перед смертью. Она была одной из тех, кто начал задавать неудобные вопросы о деятельности антикультовых фондов.

Он медленно разжал пальцы, отпуская горло женщины, но продолжая удерживать ее за запястье.

— Кто ты? — повторил он, уже спокойнее.

— Элена Моро. Журналистка «Ле Матен». Бывшая журналистка.

Алекс отпустил ее руку и сделал шаг назад.

— Журналистка. И что журналистка делает в хранилище швейцарского банка, пытаясь взломать ячейку с помощью дешифратора?

Элена потерла горло, с вызовом глядя на него.

— Ищу правду. А ты кто такой? И откуда у тебя доступ к соседней ячейке?

— Я тот, кто пытается выжить, — сухо ответил Алекс. — И кто тебе сказал про эту ячейку?

— Тень. Майя.

Алекс нахмурился. Майя. Хакер, с которой он работал несколько лет назад. Значит, она тоже в деле.

— Она сказала, что здесь хранятся серверные ключи и списки транзакций, — продолжила Элена, поднимая с пола дешифратор. — Но эта штука не работает. Код сложнее, чем она предполагала.

Алекс посмотрел на ячейку 415.

— Это ячейка Жана. Моего куратора. Он оставил мне ключ от 412-й, но, видимо, разделил информацию.

— Куратора? Ты из разведки?

— Был. Пока они не решили, что я слишком много знаю.

Резкий, пронзительный звук разорвал тишину хранилища. Сигнализация. Не общая, а тихая, внутренняя, предназначенная для службы безопасности.

Алекс выругался сквозь зубы.

— Они отследили мои коды. Жан предупреждал, что система может быть скомпрометирована.

— Сколько у нас времени? — Элена мгновенно подобралась, страх исчез, уступив место собранности.

— Минута. Может, две. Охрана уже спускается.

Алекс подошел к ячейке 415. Он достал из кармана свой ключ и вставил его в скважину. Затем ввел код на панели. Тот самый код, который Жан использовал для экстренной связи.

Замок щелкнул.

— Жан никогда не доверял электронике полностью, — пробормотал Алекс, открывая дверцу.

Внутри лежал жесткий диск, идентичный тому, что Жан передал ему в Марселе. Алекс сунул его в карман.

— Идем! — он схватил Элену за руку и потащил к выходу.

Они выбежали из хранилища в коридор. Двери лифта номер три уже открывались. Внутри стояли двое охранников, на этот раз с оружием наготове.

Алекс резко дернул Элену в сторону, за колонну.

— Сюда, — он толкнул неприметную дверь с надписью «Служебное помещение».

Они оказались в узком коридоре, заставленном тележками с чистящими средствами. В конце коридора виднелась металлическая дверь с красной надписью «Выход».

Сзади послышался топот тяжелых ботинок и крики на французском.

Алекс ударил плечом в дверь запасного выхода. Она поддалась с громким лязгом. Они вырвались на лестничную клетку.

— Наверх! — скомандовал Алекс.

Они бежали по ступеням, перескакивая через две. Дыхание сбивалось, в боку кололо, но адреналин гнал их вперед. На уровне первого этажа Алекс приоткрыл дверь на парковку.

Там уже были люди в черной форме. Они прочесывали ряды машин.

— Парковка перекрыта, — прошептал Алекс, закрывая дверь. — Придется идти через главный холл.

— Ты с ума сошел? Нас там схватят! — Элена тяжело дышала, прислонившись к стене.

— У нас нет выбора. Идем.

Они поднялись еще на один пролет и вышли в коридор, ведущий в главный холл банка.

Алекс остановился, снял пальто и бросил его на пол. Затем ослабил узел галстука.

— Сними куртку, — сказал он Элене.

Она подчинилась, оставшись в простой белой блузке.

— Теперь слушай меня внимательно. Мы — обычные клиенты. Мы просто идем к выходу. Никакой паники. Никаких резких движений.

Они вышли в холл. Клерк за стойкой что-то напряженно говорил по телефону. Несколько посетителей с недоумением смотрели на суетящихся охранников.

Алекс взял Элену под руку. Они пошли к выходу, стараясь не привлекать внимания. Шаг за шагом. Ближе к дверям.

Один из охранников, стоявший у выхода, посмотрел на них. Его взгляд скользнул по лицу Алекса, затем по лицу Элены.

Алекс почувствовал, как напряглась рука Элены. Он слегка сжал ее пальцы, призывая к спокойствию.

Охранник отвернулся, переключив внимание на группу туристов, входящих в банк.

Алекс и Элена вышли на улицу. Дождь усилился, превратившись в сплошную стену воды. Они смешались с толпой прохожих, быстро удаляясь от здания банка.

Только когда они свернули в узкий переулок, Алекс позволил себе остановиться. Он прислонился к мокрой кирпичной стене, тяжело дыша.

Элена стояла рядом, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Это было… близко, — выдохнула она.

— Слишком близко, — согласился Алекс. Он достал из-за пазухи документы и жесткий диск. — Но мы получили то, за чем пришли.

— Что там? — Элена кивнула на пачку бумаг.

Алекс развернул несколько листов, прикрывая их от дождя.

— Финансовые проводки. Переводы из парижской ложи «Атанор» в московский центр РАЦИРС. Огромные суммы. Миллионы евро.

— РАЦИРС? Это же структура Дворкина, — Элена нахмурилась. — Зачем французской масонской ложе финансировать российских борцов с сектами?

— Это не благотворительность, — Алекс просмотрел еще несколько листов. — Это оплата услуг. Информационные кампании, дискредитация неугодных политиков, создание искусственных кризисов. Они используют антикультовое движение как ширму для вмешательства во внутренние дела других стран.

— И Мари Дюбуа нашла доказательства этого финансирования, — Элена сжала кулаки. — Поэтому ее пытались убрать. Если она выживет и заговорит, им будет намного труднее спрятать следы.

— Да. Жана они убили. С Мари им не повезло: она выжила, но они сделали все, чтобы стереть само покушение из официальной реальности. Они подошли слишком близко к источнику денег.

Алекс посмотрел на жесткий диск.

— А здесь, скорее всего, списки контактов, пароли, схемы связи. Все то, что позволяет этой сети функционировать.

— Нам нужно расшифровать этот диск, — сказала Элена. — Майя сможет это сделать. Она ждет нас в Лионе.

Алекс убрал документы и диск обратно под одежду.

— Лион. Значит, нам нужно вернуться во Францию. И сделать это так, чтобы нас не заметили.

— Моя машина припаркована в нескольких кварталах отсюда, — предложила Элена.

— Нет. Твою машину уже наверняка ищут. Мой «Фольксваген» остался на парковке банка. Придется использовать общественный транспорт.

Они вышли из переулка на оживленную улицу. Женева продолжала жить своей жизнью, не замечая невидимой войны, которая разворачивалась на ее улицах.

Алекс и Элена шли рядом, двое незнакомцев, объединенных одной целью. У них были фрагменты головоломки, но картина, которая начинала складываться, пугала своими масштабами.

Это была не просто коррупция. Это была система, использующая страх и манипуляции для достижения власти. Система, которая не останавливалась ни перед чем, чтобы защитить свои секреты.

Дождь продолжал лить, смывая следы, но Алекс знал, что настоящая буря только начинается. И они находились в самом ее эпицентре.

— Идем на вокзал Корнавен, — сказал Алекс, натягивая воротник пиджака. — Возьмем билеты на ближайший поезд до Лиона.

Элена кивнула, не сказав ни слова. В ее глазах больше не было страха. Только решимость довести дело до конца. Ради Мари Дюбуа, которая лежала под чужим именем в больнице и все еще могла стать живым свидетелем. Ради всех тех, кто стал жертвой этой безжалостной машины.

Они растворились в толпе, два призрака в сером женевском дне, уносящие с собой тайны, способные разрушить империю лжи.

Глава 4. Тень в сети

Квартира на окраине Виллербана, рабочего пригорода Лиона, больше напоминала серверную, чем жилое помещение. Три мощных кондиционера гудели на пределе возможностей, пытаясь охладить воздух, который нагревали стойки с оборудованием. Окна были наглухо закрыты стальными жалюзи, сквозь щели которых не пробивалось ни луча света.

Майя сидела в центре этого хаоса проводов и мигающих индикаторов, скрестив ноги в потертых джинсах на вращающемся кресле. Ее лицо, освещенное бледным светом трех мониторов, казалось почти прозрачным. Темные круги под глазами свидетельствовали о хроническом недосыпе, но пальцы летали по клавиатуре с пугающей скоростью.

— Вы вовремя, — не оборачиваясь, бросила она. Голос был хриплым, словно она долго ни с кем не разговаривала. — Еще бы пара часов, и эти файлы самоликвидировались бы. Защита на диске Жана оказалась параноидальной даже по моим меркам.

Алекс бросил мокрое пальто на спинку единственного свободного стула. Элена, зябко поводя плечами, подошла ближе к экранам.

— Что там? — спросила она, вглядываясь в бесконечные строки кода, бегущие по центральному монитору.

— То, ради чего пытались убить Мари Дюбуа и убили твоего куратора, Ривера. — Майя наконец остановилась, откинулась на спинку кресла и потерла глаза. — Я вскрыла первый слой. Финансовые проводки, которые вы принесли, — это только верхушка айсберга. Основной массив данных — это методология. Как именно они работают.

Она нажала несколько клавиш, и строки кода сменились сканами документов. Судебные иски, заключения экспертов, протоколы допросов.

— Смотрите сюда. — Тонкий палец Майи указал на экран. — Это база данных «пострадавших» от различных сект во Франции, Бельгии и России. Сотни дел. На первый взгляд — разрозненные истории разрушенных семей и

сломанных жизней. Но если прогнать тексты показаний через алгоритм поиска совпадений…

Майя вывела на экран два документа. Один — на французском, датированный 2007 годом, дело движения Lisieux. Второй — на русском, датированный 2014 годом, дело о разводе в Перми.

— Видите? — Майя выделила несколько абзацев желтым маркером. — Формулировки. «Психологическое давление», «разрушение семейных связей», «финансовая эксплуатация». Они идентичны. Не просто похожи по смыслу, а совпадают слово в слово, вплоть до синтаксических конструкций, если сделать поправку на перевод.

Элена наклонилась ближе к экрану, вчитываясь в текст.

— Это невозможно. Разные страны, разные годы, разные люди.

— Именно. Это невозможно, если показания пишут реальные жертвы. Но это становится рутиной, если показания пишут одни и те же юристы по единой методичке.

Майя открыла следующий файл. Это была выдержка из статьи итальянского социолога Массимо Интровинье.

— В 2007 году частная антикультовая организация инициировала облаву на движение Lisieux. Полиция задержала всех членов группы. Знаете, чем они это обосновали? Рекомендациями психиатров-борцов с культами. Офицер полиции так и сказал: «Мы должны были полностью обезвредить группу, сделать так, чтобы последователи не могли общаться друг с другом».

— Изоляция, — тихо произнес Алекс. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, внимательно слушая. — Стандартная тактика допроса. Отрезать от поддержки, создать чувство беспомощности.

— Точно. А дальше начинается самое интересное, — Майя вывела на экран фотографию женщины. — Это Франсуаза Деркль. Ее обвинили в сексуальном насилии и пригрозили сроком от пятнадцати до двадцати лет. Но предложили сделку.

— Какую? — Элена не отрывала взгляда от лица женщины на экране.

— Ей предложили выбор. Либо она продолжает отрицать вину и садится в тюрьму, либо признается, что была «жертвой» культа, и тогда ее освобождают. Более того, ее просят участвовать в пропаганде против сект. Стать лектором в их кругах.

— Шантаж, — констатировала Элена. — Они фабрикуют жертву под угрозой тюремного заключения.

— Именно. Они создают фейковых жертв, — Майя вывела на экран схему. — Сначала идет информационная атака. Дискредитация через СМИ. Затем — давление через лояльных психиатров и полицию. Облава, арест, изоляция. И наконец — вербовка. Человека ломают, заставляют подписать нужные показания, и вот у них уже есть готовый «апостат», который будет ездить по конференциям и рассказывать об ужасах секты.

Элена вспомнила материалы, которые изучала перед увольнением. Статьи в газетах, кампании по дегуманизации. Все сходилось. Это была не просто борьба с инакомыслящими, это была индустрия по производству доказательств.

— А теперь посмотрите на это дело из России, — Майя переключила экран на русскоязычный документ. — Дело Елены Брессем. Развод, спор о детях. Бывший муж, Александр, внезапно начинает утверждать, что Елена состоит в секте «Гербалайф».

— «Гербалайф»? — Алекс удивленно поднял брови. — Это же сетевой маркетинг.

— Для них — тоталитарная коммерческая секта, — усмехнулась Майя. — Муж нанимает адвоката Корелова. Того самого, который работает с Александром Дворкиным и РАЦИРС. И начинается ад.

Майя прокрутила документ вниз.

— Муж пишет заявления в полицию, утверждая, что детям опасно находиться с матерью. Инспекторы приходят к ним ежемесячно. Затем муж сжигает машину Елены. Есть видеозапись, но полиция бездействует. Зато на заявления мужа реагирует мгновенно.

— Как это работает? — Элена нахмурилась. — Почему полиция игнорирует поджог, но реагирует на абсурдные обвинения в сектантстве?

— Потому что в дело вступают «эксперты», — Майя открыла следующий файл. — Дворкин лично приезжает в Пермь, чтобы выступить в суде. Он дает интервью, где заявляет, что женщина попала под влияние сразу двух сект, оставила мужа и скрылась. Хотя Елена никуда не скрывалась, а ее дочь отлично училась в школе.

Майя вывела на экран копию заключения.

— Они приносят в суд два тома «доказательств». Заключения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, литературу авторства самого Дворкина, материалы каких-то конференций. Все это с синими печатями, выглядит очень официально. Цель — доказать, что Елена ненормальная, и лишить ее родительских прав.

— Они пытались признать ее невменяемой? — Элена почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Да. Представили суду спорную психолого-психиатрическую экспертизу. К счастью, Елена оказалась бойцом. Она сделала запрос в Федерацию судебных экспертиз и доказала, что тесты не соответствуют заключению. Суд назначил новую экспертизу, которую муж проходить отказался.

Майя откинулась в кресле.

— Это технология. Они используют семейные конфликты, чтобы создавать прецеденты. Берут обиженного супруга, навязывают ему свои услуги, фабрикуют экспертизы и превращают обычный развод в громкое дело о секте. А потом используют это дело для оправдания новых репрессий.

— Они создают спрос на свои услуги, — резюмировал Алекс. — И заодно получают легальный инструмент для давления на любого человека. Достаточно объявить его сектантом, и полиция будет на их стороне.

— И финансовые проводки, которые мы нашли в Женеве… — Элена посмотрела на Алекса.

— Это оплата этой технологии. Ложа «Атанор» финансирует антикультовые центры, потому что эта методика работает. Она позволяет устранять конкурентов, контролировать политиков, разрушать репутации. И все это — под прикрытием защиты общества.

Внезапно гул кондиционеров оборвался.

Тишина, наступившая в квартире, была оглушительной. Экраны мониторов мигнули и погасли. Только тусклый зеленый свет светодиодов на источниках бесперебойного питания давал слабое освещение.

— Какого черта? — Майя выругалась, ее пальцы замерли над клавиатурой.

— Внешнее питание отключено, — голос Алекса изменился. В нем исчезла задумчивость, уступив место собранности. — Это не авария.

Он метнулся к окну, осторожно отодвинул край стальных жалюзи. Улица внизу была погружена во тьму. Фонари не горели. Только фары черного фургона, припаркованного у подъезда, разрезали мрак.

Из фургона бесшумно выгружались люди в темном тактическом снаряжении. Никаких проблесковых маячков, никаких криков «Полиция!».

— Они здесь, — коротко бросил Алекс, отходя от окна. — Штурмовая группа. Человек восемь, может больше.

— Как они нас нашли? — Элена почувствовала, как сердце начинает биться где-то в горле. — Мы же были осторожны.

— Трекер на машине. Или маячок в диске Жана. Сейчас это не имеет значения.

Алекс подошел к своей сумке, брошенной в углу. Щелкнул замок. Он вытащил два пистолета — свой старый «Глок» и оружие, снятое с наемника в Марселе.

— Держи, — он протянул один пистолет Элене. — Предохранитель снят. Патрон в патроннике. Стреляй только если они прорвутся.

Элена взяла оружие. Металл был холодным и тяжелым. Она никогда раньше не держала в руках пистолет.

Алекс повернулся к Майе.

— Сколько продержатся бесперебойники?

— Минут двадцать. Но без кондиционеров серверы перегреются и отключатся через десять.

— Нам нужно меньше. Запускай протокол уничтожения. Всех данных, кроме тех, что на зашифрованной флешке.

Майя кивнула, ее пальцы снова залетали по клавиатуре, освещенной лишь светом ИБП.

— Протокол «Икар» активирован. Термитные заряды на жестких дисках сработают через три минуты.

Алекс подошел к тяжелому металлическому шкафу, в котором хранились инструменты и запчасти.

— Помогите мне, — скомандовал он.

Втроем они навалились на шкаф, сдвигая его к входной двери. Металл со скрежетом пополз по линолеуму. Шкаф надежно заблокировал дверь, упершись в противоположную стену узкого коридора.

Снаружи послышались тяжелые шаги на лестничной клетке. Звук металла, царапающего бетон.

— Они готовят заряд для вышибания двери, — Алекс отступил от шкафа. — Это задержит их на минуту.

Вдруг из вентиляционной решетки под потолком раздалось тихое шипение. В комнату начал поступать белесый газ. Запах был едким, химическим.

— Слезоточивый газ! — крикнула Майя, закрывая лицо рукавом. — Они пустили его через систему вентиляции.

Глаза мгновенно начали слезиться, в горле запершило. Элена закашлялась, чувствуя, как газ обжигает легкие.

— Уходим! — Алекс схватил Элену за руку. — Майя, где люк?

Майя, кашляя и задыхаясь, бросилась к углу комнаты, где стояла старая стойка с неработающим оборудованием. Она потянула за неприметный рычаг, и часть пола вместе со стойкой со скрипом отъехала в сторону, открывая темный провал.

— В подвал, — прохрипела она. — Там старые коммуникации. Выведут в соседний квартал.

Глухой взрыв сотряс квартиру. Входная дверь содрогнулась, но тяжелый шкаф выдержал удар, лишь слегка сдвинувшись с места.

— Давай, вниз! — Алекс подтолкнул Элену к люку.

Она начала спускаться по ржавым металлическим скобам, вмурованным в бетонную стену. Внизу было темно и сыро. Пахло плесенью и застоявшейся водой.

Майя спустилась следом. Алекс задержался наверху.

Сквозь шипение газа и кашель Элена услышала, как в квартире сработали термитные заряды. Яркие вспышки света на мгновение осветили комнату, сопровождаясь треском плавящегося металла и пластика. Серверы уничтожали сами себя, унося в небытие гигабайты данных.

Алекс начал спускаться. В этот момент входная дверь не выдержала второго взрыва. Шкаф с грохотом отлетел в сторону, освобождая проход.

В квартиру ворвались люди в противогазах. Лучи тактических фонарей разрезали облако газа.

Алекс спрыгнул на бетонный пол подвала и резко дернул за рычаг, закрывая люк. Металлическая плита встала на место с тяжелым стуком, отрезая их от преследователей.

— Сюда, — Майя включила небольшой фонарик, прикрепленный к ключам. Тусклый луч выхватил из темноты узкий бетонный тоннель, по дну которого текли мутные ручьи.

Они побежали по тоннелю. Элена спотыкалась, ее легкие горели от остатков газа, глаза слезились, но она не останавливалась. Страх гнал ее вперед.

Страх перед людьми, которые могли сжечь машину, сфабриковать дело, разрушить жизнь, а теперь — просто убить их в темном подвале.

Тоннель петлял, разветвлялся. Майя уверенно вела их, ориентируясь по каким-то лишь ей понятным меткам на стенах.

Сзади, сквозь толщу бетона, донесся приглушенный звук взрыва. Наемники подорвали люк.

— Быстрее! — Алекс обернулся, вскидывая пистолет, хотя в темноте тоннеля не было видно ни зги.

Они бежали еще минут десять, пока тоннель не закончился глухой стеной с ржавой металлической лестницей, ведущей наверх.

Майя первой поднялась по лестнице, уперлась плечом в тяжелый чугунный люк. Он поддался с трудом, со скрежетом отодвигаясь в сторону. Свежий, прохладный воздух ударил в лицо. Элена выбралась на поверхность и упала на мокрый асфальт, жадно глотая воздух. Они оказались в узком переулке, заставленном мусорными баками. Дождь, начавшийся еще вечером, теперь лил сплошной стеной.

Алекс выбрался последним, аккуратно задвинув люк на место. Он огляделся. Переулок был пуст. Вдали шумела оживленная магистраль.

— Куда теперь? — спросила Элена, пытаясь унять дрожь в руках.

Майя прислонилась к кирпичной стене, тяжело дыша.

— У меня есть машина. В двух кварталах отсюда. Старый «Пежо», зарегистрированный на подставное лицо.

Они быстро пошли по переулку, стараясь держаться в тени. Дождь скрывал их следы, но Алекс знал, что это лишь временная передышка. Люди, которые их искали, не остановятся. Они потеряли данные на серверах, но знали, что у беглецов есть копии.

Машина действительно ждала их в соседнем дворе. Старый, неприметный седан. Майя села за руль, Алекс — на пассажирское сиденье, Элена забралась назад.

Двигатель завелся с пол-оборота. Майя вывела машину со двора и влилась в поток транспорта на магистрали, направляясь прочь от Лиона.

В салоне было тихо. Только шум дождя по крыше и мерный гул мотора.

Элена смотрела в окно на проносящиеся мимо огни машин. В ее голове крутились документы, которые показала Майя. Сотни имен. Людей, чьи жизни были разрушены ради того, чтобы система могла оправдать свое существование.

Они создавали фейковых жертв. Они фабриковали дела. Они использовали полицию и суды как свои инструменты.

И теперь они охотились за ними.

— Что дальше? — нарушила тишину Элена. Голос ее был хриплым, но твердым.

Алекс посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

— Мы знаем, как они работают. Мы знаем, кто им платит. Теперь нам нужно понять, откуда все это началось. Где находится их идеологический центр.

Майя не отрывала взгляда от дороги.

— У меня есть зацепка. В тех данных, что я успела скопировать с диска Жана, было упоминание старого архива. Физического архива, который не оцифрован. Он находится в Альпах. В заброшенном шале, принадлежавшем одному из основателей сети.

— Альпы, — задумчиво произнес Алекс. — Значит, едем в горы.

Машина мчалась сквозь ночь, оставляя позади Лион. Впереди была неизвестность, но теперь у них была цель. Они больше не были просто жертвами, убегающими от преследователей. Они стали угрозой для системы. И система это понимала.

Дождь усиливался, превращаясь в настоящий шторм. Но Элена знала, что настоящая буря ждет их впереди, среди заснеженных вершин, где скрывались тайны, способные изменить все.

Глава 5. Анатомия террора

Холод пробирал до костей, несмотря на огонь, жадно пожиравший в камине обломки старой мебели. Заброшенное шале высоко во французских Альпах, куда их привела Майя, некогда принадлежало одному из основателей сети «Атанор», но сейчас представляло собой лишь промерзшую коробку из почерневшего дерева и камня. Ветер выл в каминной трубе, заглушая треск горящих досок. Электричества не было, и единственным источником света, кроме неровного пламени, служил тактический фонарь Алекса, подвешенный к потолочной балке.

Элена сидела на полу, скрестив ноги, поближе к огню. На ее коленях лежал раскрытый ноутбук Майи, подключенный к портативному аккумулятору. Рядом, прямо на пыльных досках, были разложены пожелтевшие листы бумаги, которые они нашли в тайнике под половицей. Бумага была хрупкой, края осыпались при малейшем неосторожном движении.

— Это немецкий, — Элена осторожно перевернула один из листов. — Готический шрифт. Трудно читать. Дата… тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

Алекс подкинул в огонь ножку от сломанного стула. Пламя взметнулось, осветив его лицо, покрытое многодневной щетиной.

— Что там? — спросил он, не отрывая взгляда от огня. — Инструкции по лыжной подготовке для горных егерей?

— Нет. — Элена придвинулась ближе к экрану ноутбука, сверяясь с электронным переводчиком. — Это документ Службы безопасности рейхсфюрера СС. Отдел… отдел по изучению врагов.

Майя, до этого молча изучавшая данные на своем планшете в дальнем углу комнаты, подняла голову.

— Врагов? Каких именно?

— Свободомыслящих, — Элена провела пальцем по строке. — Сектантов. Религиозных меньшинств. Здесь говорится о необходимости создания списков, стигматизации и изоляции.

Она начала читать вслух, медленно переводя с немецкого:

— «...необходимо выявлять группы, чья идеология не совпадает с доктриной государства. Первым этапом должно стать создание негативного образа в прессе. Использование терминов, вызывающих отторжение у населения. Затем — сбор информации о членах группы, составление подробных досье. Финальный этап — изъятие имущества и передача списков в гестапо для дальнейшей ликвидации угрозы...»

Алекс резко обернулся. В его глазах отразились блики пламени.

— Повтори.

— Что именно? Про гестапо?

— Про этапы. Создание негативного образа, досье, изъятие имущества.

Элена перечитала абзац. Алекс подошел к ней и опустился на корточки, глядя на пожелтевший документ.

— Это же... — он запнулся, подбирая слова. — Это инструкция по зачистке.

Майя подошла ближе, держа планшет в руках.

— Элена, прочти еще раз пункт про создание негативного образа.

Элена снова перевела строчки:

— «Использование терминов, вызывающих отторжение у населения... создание атмосферы подозрительности...»

Майя быстро застучала пальцами по экрану планшета.

— А теперь послушайте это, — сказала она, ее голос звучал напряженно. — Это выдержка из документа, который в архиве проходит как методический материал, связанный с кругом FECRIS — европейской федерации исследовательских центров по информированию о сектах, датированный две тысячи десятым годом. «...ключевым элементом работы является

информирование общественности об опасности деструктивных культов. Необходимо использовать терминологию, которая четко обозначает угрозу, исходящую от этих групп. Сбор данных о лидерах и активных членах является приоритетным для предотвращения...»

Она замолчала, глядя на Элену.

— Формулировки, — Элена почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к альпийскому морозу. — Они не просто похожи. В ключевых местах они полностью совпадают.

— Они скопировали методику, — Алекс взял один из листов, стараясь не повредить хрупкую бумагу. — Слово в слово. Поменяли «гестапо» на «полицию» и «Службу безопасности» на «антикультовые центры».

— Но зачем? — Элена перевела взгляд с Алекса на Майю. — FECRIS — это европейская организация. РАЦИРС — российская. Они позиционируют себя как защитники общества.

— Защитники? — Алекс горько усмехнулся. — Это идеальный инструмент. Посмотри на этот документ 1938 года. Какова конечная цель?

— Изъятие имущества и ликвидация угрозы.

— Вот именно. Стигматизация — это лишь первый шаг. Если ты объявляешь группу сектой, ты делаешь ее вне закона. Ты лишаешь ее членов базовых прав. Полиция не будет защищать сектантов. Общество будет аплодировать, когда их арестуют. А их активы...

Алекс бросил лист обратно на пол.

— Их активы можно забрать. Безнаказанно. Это не просто идеология. Это бизнес-модель, обкатанная еще нацистами.

Майя снова уткнулась в планшет.

— Я прогоняю текст через базу данных, которую мы скачали в Женеве. Смотрите.

Она развернула планшет к ним. На экране высветились десятки документов. Судебные решения, отчеты о конфискации имущества, протоколы задержаний.

— Это дела из России, Франции, Чехии, — Майя листала страницы. — Везде повторяется один и тот же каркас. Сначала кампания в СМИ, где фигурируют эксперты из антикультового контура, включая РАЦИРС или FECRIS. Затем — проверки, рейды или судебные меры. Итог — утрата зданий, счетов, бизнеса.

— Как в деле Мари Дюбуа, — тихо сказала Элена. — Она консультировала бизнесменов, которые оказались под ударом. Она поняла, что это рейдерские захваты под прикрытием борьбы с сектами.

— И за всем этим стоит «Атанор», — Алекс подошел к окну и выглянул сквозь щель в заколоченных ставнях. Снаружи бушевала метель, скрывая очертания гор. — Они финансируют отдельные проекты вокруг этих центров и обеспечивают политическое прикрытие.

— И они используют нацистские методики, — Элена снова посмотрела на документ 1938 года. — Это же… это безумие.

— Это прагматизм, — возразил Алекс, не оборачиваясь. — Нацисты были мастерами контроля над толпой. Они знали, как создать образ врага, как заставить людей ненавидеть тех, кого им укажут. Зачем изобретать велосипед, если можно использовать проверенную технологию?

Он отошел от окна и вернулся к камину.

— Вопрос в том, что нам теперь с этим делать.

Майя закрыла планшет.

— Сливать, — коротко сказала она. — У нас есть доказательства финансирования, есть базы данных, теперь есть эта историческая связка. Я могу загрузить все это в даркнет, разослать по анонимным каналам. Пусть сеть захлебнется в собственных секретах.

— Нет! — Элена резко поднялась, едва не опрокинув ноутбук. — Даркнет — это помойка. Там никто не воспримет эту информацию всерьез. Скажут, что это теории заговора, фальшивки, сгенерированные нейросетями.

— А что ты предлагаешь? — Майя с вызовом посмотрела на нее. — Пойти в полицию? К тем самым людям, которые прикрывают эти центры?

— Я предлагаю прессу, — Элена скрестила руки на груди. — Официальные, крупные издания. Нам нужен юридический резонанс. Если мы сможем доказать, что идеологическая база современного антикультизма напрямую заимствована из нацистских инструкций по подавлению инакомыслия, это вызовет международный скандал.

— Журналистика? Серьезно? — Майя презрительно фыркнула. — Твой редактор уже показал, чего стоит ваша хваленая пресса. Они боятся. Они под контролем.

— Патрик сломался, да. Но не все такие. Если мы предоставим неопровержимые доказательства...

— Доказательства чего? — вмешался Алекс. Голос его звучал ровно, но в нем чувствовалась сталь. — Того, что кучка фанатиков использует старые методички? Этого недостаточно для суда.

— Этого достаточно для парламентского расследования! — Элена не сдавалась. — Если мы покажем связь между современными антикультовыми центрами и нацистским Апологетическим центром...

— Элена, очнись. — Алекс подошел к ней вплотную. — Ты думаешь, мы имеем дело с кучкой историков-любителей? Ты знаешь, кто сейчас руководит операциями «Атанора»?

Он выдержал паузу, глядя ей прямо в глаза.

— Болье.

Имя повисло в холодном воздухе шале. Элена слышала его раньше, от Майи. Бывший офицер разведки.

— Болье — не просто бывший разведчик, — продолжил Алекс, словно прочитав ее мысли. — Он бывший дипломат. Он вхож в кабинеты еврокомиссаров. Он консультирует комитеты по безопасности. И он серый кардинал этой сети.

Алекс отвернулся и снова подошел к огню.

— Он знает, что мы живы. Он знает, что у нас есть данные. И он не остановится. Опубликуешь статью — он объявит ее информационной диверсией российских спецслужб. Сольешь в даркнет — он использует это как повод для ужесточения контроля над интернетом.

— И что тогда? — голос Элены дрогнул. — Сдаться? Сжечь эти бумаги и разбежаться?

— Нет. — Алекс повернулся к ним. В отблесках пламени его лицо казалось высеченным из камня. — Мы ударим туда, где он уязвим. По его политическому прикрытию. Болье силен, пока его считают респектабельным экспертом. Если мы сможем раскрыть правду про него, сеть лишится защиты.

— Как ты собираешься это сделать? — Элена скептически подняла бровь. — Записаться на прием?

— На следующей неделе в Брюсселе проходит закрытая конференция по вопросам безопасности и противодействия экстремизму. Болье будет там. Он будет продвигать новые инициативы, основанные на тех самых методичках, которые мы сейчас читаем.

Алекс указал на пожелтевшие листы.

— Мы должны быть там. Мы должны показать связь между его инициативами и архивными инструкциями политического подавления. Прямо там, в зале.

— Проникнуть на закрытую конференцию? — Майя покачала головой.

— Ты сможешь сделать нам аккредитации? — Алекс проигнорировал ее сомнения.

Майя задумалась, покусывая губу.

— У нас нет выбора, — Алекс посмотрел на Элену. — Ты пойдешь туда. Как журналист, как помощник депутата — неважно. Твоя задача — задать нужные вопросы и предъявить документы.

Элена смотрела на огонь. В голове крутились обрывки информации. Нацистские инструкции. Современные методички. Разрушенные жизни. Мари Дюбуа. Жан.

Они играли по правилам системы, которая была создана для уничтожения. И чтобы победить, им нужно было выйти за рамки этих правил.

— Я сделаю это, — тихо, но твердо сказала она.

— Отлично, — Алекс кивнул. — Майя, готовь аккредитации. Элена, изучай документы. Нам нужно знать каждую строчку, каждую формулировку. Больше не должен уйти от ответа.

Он снова подошел к окну. Метель снаружи не утихала, словно пытаясь скрыть шале от всего мира. Но Алекс знал, что где-то там, за снежной пеленой, Больше уже плетет свою паутину. И они должны ударить первыми.

Элена взяла в руки пожелтевший лист 1938 года. Бумага казалась тяжелой, словно впитала в себя кровь и страдания тех, кто стал жертвой этих инструкций.

— Знаешь, что самое страшное? — произнесла она, не поднимая глаз.

Алекс обернулся.

— Что?

— То, что они даже не скрывают этого. Они взяли методику террора, переодели ее в костюм защиты общества и продали нам. А мы купили.

Слова повисли в воздухе, смешиваясь с воем ветра и треском догорающих в камине обломков старой мебели. В этом заброшенном шале, среди гор и снега, они наткнулись на источник яда, отравляющего Европу. И теперь им предстояло принести это знание в самое сердце политической системы, зная, что цена ошибки — их собственные жизни.

Глава 6. Брюссельский лабиринт

Зеркальные фасады комплекса «Эспас Леопольд» отражали свинцовое небо Брюсселя. За стеклом и бетоном, в лабиринтах коридоров, устланных синими ковровыми дорожками, вершилась политика континента. Люди в безупречных костюмах скользили мимо друг друга, обмениваясь сдержанными улыбками и кивками.

Элена поправила пластиковый бейдж на лацкане темно-синего жакета. На белом фоне красовалась ее фотография и статус: «Ассистент делегации». Майя сотворила чудо. Система безопасности на входе мигнула зеленым, проглотив штрих-код без единой запинки.

В наушнике, спрятанном под распущенными волосами, едва слышно щелкнуло.

— Я внутри, — голос Алекса звучал спокойно, почти буднично. — Второй уровень, сектор С. Двигаюсь параллельно твоему маршруту. Камеры в этом крыле делают оборот каждые двенадцать секунд.

— Принято, — Элена сделала вид, что поправляет воротник, прикрывая микрофон. — Иду к залу заседаний 3G-2.

Конференция по вопросам «психологической безопасности и противодействия новым формам экстремизма» проходила за закрытыми дверями. В программе не значилось ни слова о сектах. Формулировки были обтекаемыми: «защита уязвимых групп», «информационная гигиена», «законодательные инициативы в сфере ментального здоровья». Но Элена знала, что за этим фасадом скрывается лоббирование закона о «психологическом подчинении» — идеального инструмента для преследования любых неугодных объединений.

У дверей зала дежурили двое охранников в штатском. Их взгляды сканировали каждого проходящего, цепляясь за мелочи, недоступные обычному глазу.

Элена замедлила шаг, сливаясь с группой помощников шведской делегации, оживленно обсуждавших поправки к экологическому протоколу. Она прошла мимо охраны, даже не взглянув в их сторону.

Внутри зал напоминал амфитеатр. Мягкий свет заливал ряды кресел, перед каждым из которых светился монитор. На трибуне выступал мужчина с седыми висками — представитель французской межминистерской миссии.

— ...именно поэтому мы настаиваем на расширении полномочий превентивных структур, — его голос, усиленный микрофонами, разносился по залу. — Психологическое насилие не оставляет синяков, но разрушает личность. Мы должны дать правоохранительным органам инструмент для вмешательства до того, как произойдет трагедия.

Элена заняла место в заднем ряду, открыла планшет и сделала вид, что конспектирует выступление. Ее взгляд скользил по залу. В первом ряду, внимательно слушая оратора, сидела депутат от Латвии, сопредседатель фракции «Зеленых». Та самая, чьи переписки с кураторами из Пятой службы всплыли в базах данных Майи.

Депутат кивала, делая пометки в блокноте. Ее присутствие на конференции по экстремизму казалось странным лишь на первый взгляд. Экологическая повестка, права меньшинств, защита от сект — все это были удобные платформы для внедрения. В заметках, которые Элена изучала ночью, была сформулирована тревожная гипотеза: часть встреч депутата становилась источником информации для внешних кураторов в Москве.

— Элена, — голос Алекса снова ожил в наушнике. — Депутат оставила свой кабинет в секторе А пустым. Ее помощник только что спустился в кафетерий. У тебя есть окно минут в пятнадцать.

— Поняла. Выдвигаюсь.

Она дождалась, пока оратор перейдет к следующему слайду, и тихо выскользнула из зала. Коридоры сектора А были менее многолюдными. Здесь располагались личные кабинеты депутатов. Деревянные панели, приглушенный свет, тишина.

Кабинет А-314. Элена остановилась перед дверью. Никого. Она достала из кармана небольшое устройство, похожее на флешку — еще один подарок Майи. Вставила его в слот электронного замка.

Устройство завибрировало. Пять секунд. Десять. Зеленый светодиод загорелся ровным светом. Дверь тихо щелкнула.

Внутри было просторно. Массивный стол из темного дерева, книжные шкафы, панорамное окно с видом на внутренний двор. На столе лежал закрытый ноутбук.

Элена подошла к столу. Открыла крышку ноутбука. Экран загорелся, требуя пароль.

Она подключила к порту кабель от своего телефона. На экране телефона запустилась программа подбора. Цифры на экране телефона мелькали с бешеной скоростью. Пароль поддался через сорок секунд.

Элена открыла почтовый клиент. Локальные архивы. Папки с названиями комитетов, законопроекты, личная переписка. Она запустила скрипт копирования, настроенный Майей на поиск ключевых слов: переводы, фонды, фамилии кураторов, названия антикультовых организаций.

Полоса загрузки медленно ползла вправо. Тридцать процентов. Сорок.

Внимание Элены привлек открытый документ на рабочем столе. «Смета_Форум_Прага_2023.pdf». Она открыла его.

Цифры поражали. Десятки тысяч евро на аренду залов, оплату перелетов, гонорары спикерам. Имена спикеров были ей знакомы. Те самые люди, которые формировали европейскую политику в отношении новых религиозных движений.

Но интереснее были источники финансирования. Деньги поступали через цепочку подставных компаний: кипрские оффшоры, консалтинговые фирмы. А в связанной цепочке одной из этих фирм всплывало имя Артема Куреева.

Элена вспомнила материалы расследования. Куреев — гражданин России, которого материалы связывали с операциями на балтийском направлении. Тот

самый, которому депутат оформляла шенгенскую визу под предлогом участия в «Форуме русскоязычной молодежи ЕС».

Пазл складывался. Антикультовые инициативы в Европе, лоббирование законов о «психологическом подчинении», стигматизация неугодных групп — все это выглядело как координируемая из Москвы схема. Это был не просто обмен опытом, а операция внешнего влияния и создания рычагов давления.

— Элена.

Голос Алекса прозвучал резко, без привычного спокойствия.

— Что случилось?

— К кабинету направляется человек. Серый костюм, гарнитура в ухе. Он не из местной охраны. Движения слишком жесткие.

— Сколько у меня времени?

Полоса загрузки замерла на восьмидесяти процентах.

— Тридцать секунд. Я перехватываю его.

В коридоре Алекс шагнул из ниши у автомата с кофе. Человек в сером костюме двигался быстро, целенаправленно. Его взгляд был зафиксирован на двери кабинета А-314.

Алекс рассчитал траекторию. Слепая зона камеры номер четыре находилась как раз на пересечении коридоров.

Он сделал вид, что споткнулся, роняя пластиковый стаканчик с кофе. Горячая жидкость брызнула на ботинки идущего навстречу мужчины.

— Простите, ради бога, — Алекс начал извиняться на французском, наклоняясь, чтобы поднять стаканчик.

Мужчина раздраженно отступил на шаг.

— Смотрите, куда…

Его рука инстинктивно потянулась к отвороту пиджака. Этого движения было достаточно.

Алекс выпрямился, его левая рука блокировала запястье незнакомца, не давая ему достать оружие. Правая рука нанесла короткий, жесткий удар в область груди.

Мужчина судорожно глотнул воздух, его глаза расширились. Алекс подхватил обмякшее тело под руку, имитируя дружеские объятия, и оттащил его в нишу за автоматом с кофе, вне зоны видимости камер.

Обыск занял несколько секунд. Внутренний карман — пистолет Макарова, модифицированный, без номеров. В другом кармане — телефон. Алекс забрал аппарат.

— Элена, путь свободен. Но у нас гости. Уходим.

В кабинете Элена смотрела, как полоса загрузки достигает ста процентов. Она выдернула кабель, закрыла ноутбук и стерла следы своего присутствия с клавиатуры.

— Я закончила. Выхожу.

Она покинула кабинет, аккуратно прикрыв дверь. Замок снова щелкнул, возвращаясь в заблокированное состояние.

В коридоре было пусто. Только небольшая лужа кофе у автомата напоминала о произошедшем.

— Встречаемся на уровне минус два. Сектор D, парковка для персонала, — скомандовал Алекс. — Иди через восточное крыло, там меньше камер.

Элена спустилась по служебной лестнице, минуя основные холлы. Сердце колотилось. В ее кармане лежал телефон с данными, способными взорвать политический ландшафт Европы.

Подземная парковка встретила ее запахом выхлопных газов и сыростью. Ряды машин терялись в полумраке.

Алекс ждал ее у серого фургона службы доставки.

— В машину, быстро, — он открыл боковую дверь.

Элена забралась внутрь. Алекс сел за руль и завел двигатель. Фургон плавно тронулся с места, направляясь к выезду.

— Кто это был? — спросила Элена, пытаясь унять дрожь в руках.

Алекс бросил на пассажирское сиденье телефон, изъятый у агента.

— Наружное наблюдение. И не местное. Оружие российское, повадки тоже. Они пасли своего агента. Или кого-то, кто мог прийти к ней.

Элена достала свой телефон и подключила его к планшету.

— Я скачала архивы. Посмотри на это.

Она вывела на экран сметы форумов.

— Часть денег на конференции и встречи европейских антикультистов идет через фирмы, связанные с Артемом Куреевым. Тем самым фигурантом балтийского эпизода.

Алекс мельком взглянул на экран, выруливая на оживленную улицу.

— Значит, это не просто совпадение интересов. Это прямой канал финансирования.

— Да. Они используют «зеленую повестку» и борьбу с сектами как ширму. Это идеальное прикрытие. Никто не будет подозревать борцов за экологию или защитников ментального здоровья в участии в схемах внешнего иностранного влияния.

Элена открыла следующий файл. Это было письмо, датированное прошлым месяцем.

— «Коллеги, — прочитала она, — мы должны усилить давление на группу в Чехии. Их активы могут быть полезны для финансирования следующего этапа. Используйте стандартную процедуру: публикации в прессе, заявления пострадавших, привлечение экспертов из РАЦИРС».

Она подняла глаза на Алекса.

— Они координируют захваты имущества по Европе. И деньги от этих захватов идут на финансирование их же политических кампаний.

Алекс мрачно кивнул.

— Самоокупаемая система давления. Они разрушают жизни, забирают деньги и используют их, чтобы разрушать новые жизни.

Фургон растворился в потоке машин, увозя их от стеклянного лабиринта Европарламента. Они получили доказательства. Но эти доказательства делали их мишенью номер один не только для европейской сети, но и для тех, кто стоял за ней в тени.

Глава 7. Лицо инквизитора

Кожаное кресло в кабинете профессора Леклерка было глубоким, мягким и спроектированным так, чтобы посетитель чувствовал себя меньше хозяина. Стены от пола до потолка украшали дипломы в тяжелых рамах, благодарственные письма от министерств и сертификаты участия в закрытых симпозиумах по психиатрии. За панорамным окном нависало серое небо Парижа, а внутри царила атмосфера респектабельной тишины, нарушаемая лишь тиканьем антикварных часов.

Анри Леклерк, человек с безупречной осанкой и седыми волосами, зачесанными назад, сидел за массивным дубовым столом. Его пальцы, ухоженные и длинные, были сложены домиком. Он излучал спокойствие академика, который снизошел до общения с прессой.

— Мадемуазель Дюбуа, — произнес он, делая акцент на вымышленной фамилии Элены. Его голос звучал мягко, почти бархатисто. — Журнал «Современное общество» редко обращается к столь узкоспециализированным темам. Вы уверены, что ваши читатели готовы к серьезному разговору о ментальном здоровье нации?

Элена положила на стол диктофон. Рядом лег блокнот в кожаном переплете. Она улыбнулась, стараясь выглядеть как амбициозная, но не слишком проницательная журналистка, ищущая сенсацию.

— Именно поэтому я здесь, профессор. В свете последних законодательных инициатив о психологическом насилии общество нуждается в разъяснениях. Мы хотим показать работу тех, кто стоит на страже нашего рассудка.

В наушнике, скрытом волосами, раздался легкий треск.

— Я в сети клиники, — голос Майи был едва слышен, но отчетлив. — Обхожу первый файрвол. Тяни время.

Профессор Леклерк благосклонно кивнул, словно одобряя ее профессиональный интерес.

— Защита рассудка — прекрасная метафора. Видите ли, современные деструктивные культы не используют цепи. Они используют слова, образы, эмоции. Они создают ложную реальность, в которой их присутствие не ощущается.

Он потянулся к графину с водой, налил себе полстакана.

— Как говорил один из моих коллег, манипуляция требует именно ложной реальности. Многие не замечают, как им дистанционно навязывают психологические внушения. Они не осознают, какие внешние образы вызывают у них навязчивые мысли, изменяют настроение, создавая иллюзию неизбежности.

Элена сделала пометку в блокноте.

— Звучит пугающе. Но как именно вы, как эксперт, определяете, что человек подвергся такому влиянию? Где грань между, скажем, глубокой религиозностью и деструктивным отклонением?

Леклерк поставил стакан. Его улыбка стала чуть холоднее, словно он оценивал, насколько глубоко она готова копать.

— Грань определяет специалист. Мы анализируем поведенческие маркеры. Отказ от социальных связей, изменение пищевых привычек, нетипичные финансовые решения.

— Но разве это не субъективно? — Элена наклонилась вперед. — Я читала некоторые ваши заключения для судов. В деле движения Lisieux вы рекомендовали принудительную госпитализацию для женщины, которая просто отказалась свидетельствовать против своего духовного наставника.

Пальцы профессора едва заметно напряглись. Он не ожидал такой осведомленности от журналистки глянцевого издания.

— Вы не понимаете специфики, мадемуазель. В вопросе о суде над мастером жертвы чрезвычайно чувствительны. Они легко поддаются манипуляциям. Основа метода подчинения заключается в безусловной зависимости. Любая критика воспринимается ими как незавершенный процесс. Они доходят до того, что внушают жертвам: давать правдивые показания — это проявление жажды мести.

— То есть, если человек отрицает, что он жертва, это лишь доказывает, что он жертва? — Элена не отводила взгляда.

Леклерк откинулся на спинку кресла. Его глаза сузились.

— Психиатрия, мадемуазель Дюбуа, работает с отрицанием каждый день. Это базовый защитный механизм.

— Второй файрвол пройден, — прошептала Майя в наушнике. — Я вижу базу пациентов. Начинаю скачивание. Объем большой, нужно минут десять.

Элена перевернула страницу блокнота. Ей нужно было вывести его из равновесия, заставить говорить то, что обычно остается за закрытыми дверями.

— Профессор, я изучала биографию одного из ваших ключевых международных партнеров. Александра Дворкина.

Леклерк едва заметно поморщился, словно от зубной боли.

— Господин Дворкин — видный исследователь. Его вклад в изучение тоталитарных сект в Восточной Европе неоценим.

— Возможно. Но в его ранних интервью для проекта «Недавние советские иммигранты в Америке» есть интересные детали. Он прямо говорит, что статус «психически больных» давал его группе право делать то, чего другие не могли себе позволить. Он называет психиатрические больницы «ценой, которую они платили за свободу».

Элена достала из папки распечатку.

— Более того, он описывает, как они употребляли наркотики, а также спорные эпизоды, связанные с медицинской средой. И он же рассказывает, как работал санитаром в реанимации, выполняя отдельные процедуры при статусе, который вызывает вопросы.

Леклерк пренебрежительно махнул рукой.

— Ошибки молодости. Богема, диссидентство. Это не имеет отношения к его нынешней научной работе.

— Научной? — Элена позволила себе легкую иронию. — Вы называете это наукой? Человек с выраженными нарциссическими чертами, который сам признает, что использовал медицинскую среду для удовлетворения потребности в контроле над пациентами. И этот человек сейчас формирует критерии, по которым вы и ваши коллеги отправляете людей на принудительное лечение.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Часы отбили половину четвертого.

Леклерк медленно поднялся. Он подошел к окну, заложив руки за спину.

— Вы пришли сюда не за интервью для журнала, верно?

— Я пришла за правдой.

Он обернулся. В его взгляде больше не было снисходительности. Там был холодный, расчетливый интеллект человека, привыкшего распоряжаться чужими судьбами.

— Правда в том, мадемуазель, что общество — это сложный механизм. И как любой механизм, он требует смазки и периодической выбраковки дефектных деталей.

— Дефектных деталей? Вы так называете людей, которые не вписываются в вашу картину мира?

— Я называю так тех, кто угрожает стабильности. — Леклерк подошел к столу, но не сел. — Вы говорите о научности методов. Вы цитируете старые интервью. Но вы не понимаете главного. Наука в этой сфере не существует в вакууме. Она служит государству.

Это было то, что ей нужно. Признание.

— Значит, психиатрия для вас — это просто инструмент?

— Это эффективный инструмент, — поправил он, опираясь костяшками пальцев на столешницу. — Посмотрите на историю. Во все времена были группы, чья идеология не совпадала с доктриной государства. Что с ними делать? Тюрьмы переполнены. Судебные процессы долгие и привлекают лишнее внимание. А диагноз… Диагноз решает проблему тихо.

Он взял со стола тяжелую перьевую ручку, покрутил ее в пальцах.

— Когда мы используем терминологию вроде «порабощение сознания» или «деструктивный культ», мы даем правоохранительным органам ключ. Мы создаем атмосферу, в которой общество само требует изоляции этих людей.

— Как в случае с доктором Ди Марцио? — Элена не отступала. — Она попыталась изучать эти группы объективно, вступать с ними в диалог. И что вы сделали? Вы исключили ее. Потому что диалог разрушает ваш нарратив о «преступных культах».

Леклерк усмехнулся.

— Ди Марцио была наивна. Она не понимала, что наша задача — не академические дебаты, а обеспечение безопасности. Если для этого нужно использовать методы, заимствованные из психологии и психиатрии, мы будем их использовать.

— Даже если это означает фабрикацию дел? Вы ведь знаете, что многие показания ваших «пострадавших» написаны под копирку. Вы заставляете людей оговаривать себя и других, угрожая лишением родительских прав или тюрьмой.

— Вы идеалистка. — Профессор бросил ручку на стол. — Люди слабы. Им нужен авторитет. Им нужен кто-то, кто скажет: «Шапки долой!», и они поклонятся. Дворкин это прекрасно понимает. У него, возможно, есть свои… особенности. Комплекс богоподобия, как вы выразились. Но именно такие люди нам нужны. Они не боятся брать на себя ответственность за жесткое продвижение этой рамки.

В наушнике раздался напряженный голос Майи:

— Элена, у нас проблема. Файлы зашифрованы на лету. Мне нужно больше времени на дешифровку ключа. Шестьдесят процентов скачано.

Элена сделала глубокий вдох, стараясь сохранить лицо спокойным.

— А как насчет тех, кто не поддается зачистке? — спросила она, глядя прямо в глаза Леклерку. — Как Мари Дюбуа? Она не была сектанткой. Она просто консультировала бизнесменов, у которых вы пытались отнять активы под предлогом борьбы с культами.

Имя Мари прозвучало в кабинете, как выстрел.

Леклерк замер. Его взгляд скользнул по лицу Элены, затем опустился на диктофон. Он медленно потянулся к небольшому пульту, лежащему возле клавиатуры его компьютера.

— Вы знаете слишком много для простой журналистки, мадемуазель. И вы задаете вопросы, ответы на которые вам не понравятся.

Его палец лег на одну из кнопок пульта.

В этот момент взгляд профессора метнулся к небольшому шкафчику в углу кабинета. Там, за стеклянной дверцей, стоял маршрутизатор локальной сети клиники. Индикаторы передачи данных на нем мигали с бешеной скоростью, сливаясь в сплошную зеленую линию.

Леклерк был психиатром, а не системным администратором, но он не был идиотом. Он понял, что происходит.

— Вы не просто записываете наш разговор, — тихо произнес он. — Вы скачиваете мою базу.

Он нажал кнопку на пульте.

Тяжелый щелчок электронного замка на дубовой двери прозвучал оглушительно.

— Майя, он понял! — крикнула Элена, вскакивая с кресла.

— Восемьдесят процентов! — голос хакера в наушнике сорвался на визг. — Тяни, Элена, тяни!

Леклерк не стал бросаться на нее. Он просто нажал вторую кнопку на пульте, активируя внутреннюю связь.

— Охрана. В мой кабинет. Немедленно. У нас промышленный шпионаж.

Элена схватила диктофон и сунула его в карман. Она бросилась к двери, дернула ручку. Заперто. Массивный дуб не поддавался.

— Вы не выйдете отсюда, — спокойно констатировал профессор. Он даже не сдвинулся с места, наблюдая за ее попытками. — Моя служба безопасности будет здесь через тридцать секунд. А потом мы проведем небольшую экспертизу. Знаете, у вас налицо признаки острого параноидального расстройства. Бред преследования, навязчивые идеи о заговорах. Думаю, несколько недель в закрытом отделении на сильных препаратах пойдут вам на пользу. Под их действием пациенты становятся такими тихими.

— Девяносто процентов! — кричала Майя. — Еще чуть-чуть!

Элена оглянулась. Окно — бронированное стекло, седьмой этаж. Стол Леклерка — слишком далеко. Шкаф с документами.

Она подбежала к шкафу, схватила тяжелую бронзовую статуэтку Гиппократа, стоявшую на верхней полке.

В коридоре послышался топот тяжелых ботинок.

— Девяносто пять!

Леклерк нахмурился, видя статуэтку в ее руках.

— Положите это. Вы только усугубляете свое положение.

Элена размахнулась и ударила статуэткой по стеклянной панели, вмонтированной в верхнюю часть дубовой двери. Стекло, хоть и толстое, не было пуленепробиваемым. Оно пошло трещинами, но выдержало.

— Сто процентов! Есть! — голос Майи был полон триумфа. — Я выдергиваю соединение! Уходи!

В дверь снаружи ударили плечом. Дерево застонало.

Элена ударила статуэткой второй раз, вложив в удар весь свой вес и весь страх перед человеком, который спокойно планировал превратить ее в овощ в закрытой палате.

Стекло со звоном разлетелось на куски, осыпая ковровую дорожку в коридоре.

В образовавшуюся дыру просунулась рука охранника в черной униформе, пытаясь нащупать внутреннюю ручку.

Элена не стала ждать. Она схватила массивный деревянный стул для посетителей, на котором сидела минуту назад, и с силой вбила его в дверную панель, расширяя пролом. Охранник с ругательством отдернул руку.

— Держите ее! — закричал Леклерк, теряя свою академическую невозмутимость.

Элена вскочила на остатки стула, подтянулась на руках и рыбкой нырнула в пролом, не обращая внимания на острые края стекла, царапающие жакет.

Она приземлилась на спину второго охранника, сбив его с ног. Первый потянулся к кобуре на поясе.

Коридор клиники был пуст, если не считать перепуганной медсестры с подносом лекарств в дальнем конце.

Элена вскочила на ноги, ударила ногой по колену поднимающегося охранника и бросилась бежать.

— Майя, маршрут! — крикнула она на бегу.

— Налево, к лифтам! Нет, стой, лифты заблокированы. Лестница Б, через десять метров направо!

Позади раздался крик Леклерка:

— Не стрелять! Она нужна мне живой!

Элена свернула направо, толкнула противопожарную дверь и оказалась на лестничной клетке. Она летела вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Дыхание обжигало горло, в боку кололо, но адреналин гнал ее вперед.

Они получили то, что хотели. Признание идеолога. Доказательство того, что психиатрия используется не для лечения, а для изоляции и подавления. И базу данных, которая покажет масштабы этих репрессий.

На четвертом этаже дверь на лестницу с грохотом распахнулась. Двое крепких санитаров в белых халатах преградили путь.

— Элена, четвертый этаж перекрыт! — голос Майи в наушнике был паническим.

Элена резко затормозила. Санитары двинулись на нее, их лица были лишены эмоций, движения — отработаны. Они привыкли скручивать буйных пациентов.

Она отступила на шаг вверх по лестнице. Сзади слышался топот охраны. Ловушка захлопывалась.

Внезапно дверь на третьем этаже открылась. На площадку вышел человек в куртке технического персонала. В руках он держал тяжелый металлический огнетушитель.

Алекс.

Он не стал кричать или предупреждать. Он просто бросил огнетушитель вверх по пролету. Тяжелый красный баллон ударил первого санитара по ногам, сбив его на ступени. Второй отвлекся на секунду.

Этого хватило. Алекс взлетел по ступеням, перепрыгнув через упавшего санитара, и нанес второму короткий, жесткий удар в челюсть. Санитар обмяк.

— Вниз! — рявкнул Алекс, хватая Элену за руку.

Они побежали вниз по лестнице, минуя этажи. На первом этаже Алекс не стал выходить в главный холл. Он толкнул неприметную дверь с надписью «Техническое помещение» и втащил Элену внутрь.

Они оказались в узком коридоре, заставленном тележками с грязным бельем.

— Сюда, — Алекс потянул ее к погрузочному доку.

На улице их встретил холодный ветер. Старый фургон прачечной стоял у пандуса с работающим двигателем. За рулем сидела Майя.

Алекс открыл заднюю дверь, затолкнул Элену внутрь и запрыгнул сам.

— Гони! — крикнул он.

Фургон с визгом шин сорвался с места, вылетая на улицу.

Элена упала на кучу простыней, тяжело дыша. Ее руки дрожали, на рукаве жакета проступала кровь от пореза стеклом.

Алекс присел рядом, осматривая ее руку.

— Жить будешь, — коротко сказал он. — Что у тебя?

Она достала диктофон.

— Все. Он признал это. Он прямым текстом сказал, что они используют диагнозы как инструмент для зачистки неугодных. Что наука служит государству, а не людям.

Майя, не отрывая взгляда от дороги, бросила через плечо:

— База данных у нас. Там тысячи имен. Истории болезней, назначения препаратов, судебные экспертизы. Они превратили клинику в конвейер по производству «психически больных» из тех, кто задает слишком много вопросов.

Алекс мрачно кивнул.

— Мы знали, что они фабрикуют дела. Но теперь мы знаем, как именно они ломают людей. Они не просто изолируют их. Они уничтожают их личность.

Элена закрыла глаза, вспоминая холодный, расчетливый взгляд профессора Леклерка. Вспоминая его слова о том, что общество нуждается в выбраковке дефектных деталей.

— Он сказал, что Дворкин понимает это лучше других, — тихо произнесла она. — Что такие люди нужны системе, потому что они не боятся брать на себя ответственность за зачистку. Они наслаждаются этой властью.

Фургон мчался по улицам, увозя их от клиники, которая была не местом исцеления, а тюрьмой для разума.

Они собрали достаточно доказательств. Финансы. Исторические связи. Методологию террора. И теперь у них были имена жертв и признания палачей.

Но Элена понимала, что это только начало. Система не рухнет от одной статьи или одного слива данных. Она будет защищаться. И у нее есть ресурсы, о которых они могли только догадываться.

Алекс смотрел в окно на проносящиеся мимо здания. Его профиль был жестким, челюсти сжаты. Он думал о Жане. О Мари Дюбуа. Обо всех тех, кто попал в эту мясорубку.

Они вскрыли гнойник. Теперь нужно было выжить, чтобы рассказать об этом миру.

Глава 8. Охота на охотника

Холодный металл кусачек мягко перекусил оплетку кабеля. Влажный ночной воздух проникал сквозь тонкую ткань черной водолазки, заставляя мышцы спины непроизвольно сокращаться. Алекс замер, вслушиваясь в тишину, нарушаемую лишь шелестом ветра в кронах вековых дубов.

Охраняемый периметр поместья Шато-де-Монфор остался позади. Лазерные датчики движения, скрытые в декоративном кустарнике, теперь были слепы.

Территория усадьбы тонула во мраке. Лишь тусклый свет дежурного освещения выхватывал из темноты контуры массивного особняка постройки конца девятнадцатого века. Гравийная дорожка, ведущая к западному крылу, казалась серой лентой. Алекс двигался по газону, ставя стопы мягко, перекатом, чтобы не издать ни звука. В его правом кармане лежал набор миниатюрных передатчиков, в левом — тактический фонарь. Кобура под мышкой приятно тяжелила плечо.

Западное крыло было целью. Там, согласно плану здания, который Майя вытащила из архивов архитектурного бюро, находился личный кабинет Виктора Болье. Человека, который превратил страх в политический капитал.

Каменная кладка стены была холодной и влажной от росы. Алекс подтянулся, цепляясь за выступающий барельеф, и бесшумно перемахнул на балкон второго этажа. Стеклянная дверь, ведущая в кабинет, была заперта, но электронный замок старой модели поддался дешифратору Майи после короткой паузы. Алекс опустил очки ночного видения. Кабинет был огромен. Массивный стол красного дерева, книжные шкафы до потолка, персидский ковер, скрадывающий шаги.

Он подошел к столу. На полированной поверхности лежали несколько папок. Первая задача — установить передатчик в телефонный аппарат. Вторая — под столешницей. Третья — скопировать данные с компьютера, если он не заблокирован аппаратно.

Ноутбук оказался выключен, но рядом с ним лежал раскрытый кожаный бювар. Алекс включил тактический фонарь на минимальную мощность, направив узкий луч на бумаги. Это были списки. Десятки фамилий. Напротив каждой — должность, страна, политическая принадлежность. И короткие пометки на французском.

«Жан-Пьер Ришар, депутат Национального собрания. Статус: в разработке. Метод: связь с группой “Свет истины”, обвинение в финансовой поддержке деструктивного культа».

«Маркус Вебер, член Бундестага. Статус: готов к реализации. Метод: показания бывшей помощницы о психологическом давлении и принуждении к посещению семинаров».

«Анна Ковальская, журналист, Польша. Статус: активная фаза. Метод: медийная кампания, обвинение в симпатиях к экстремистским религиозным течениям».

Алекс листал страницы. Это был не просто план дискредитации. Это был график масштабной операции по всей Европе. Операции по устранению политических оппонентов и независимых журналистов с использованием сфабрикованных дел. И даты реализации стояли на ближайшие недели.

— Интересное чтение, не правда ли?

Голос прозвучал из темноты, спокойный, почти светский. Алекс мгновенно погасил фонарь и перекатился за массивное кожаное кресло, выхватывая пистолет. В ту же секунду кабинет залил ослепительный белый свет. Зажглись галогенные лампы под потолком, ударив по глазам, привыкшим к темноте.

— Можете не прятаться, господин Ривера, — продолжил голос. — Или мне называть вас Тома? У вас так много имен.

Из-за книжных шкафов, из ниш у окон бесшумно вышли пятеро мужчин в тактическом снаряжении. В руках они держали пистолеты-пулеметы MP5 с приборами бесшумной стрельбы. Оружие было направлено на кресло, за которым укрылся Алекс.

Двери кабинета распахнулись. В комнату вошел Виктор Болье. Ему было за семьдесят, но он держался прямо, опираясь на трость с серебряным набалдашником. Элегантный темно-синий костюм сидел безупречно. Седые волосы аккуратно зачесаны назад. В его облике не было ничего от карикатурного злодея — он выглядел как респектабельный европейский дипломат, вышедший на пенсию.

— Опустите оружие, Алекс, — Болье остановился в нескольких метрах от кресла. — Это бессмысленно. Мои люди — профессионалы. Они не промахнутся.

Алекс медленно поднялся, держа пистолет стволом вниз, но не убирая его в кобуру. Мышцы были напряжены до предела. Он оценивал дистанцию до окна, расположение стрелков. Шансов уйти без потерь не было.

— Вы ждали меня, — констатировал он.

— Разумеется. — Болье слегка улыбнулся. — Вы оставили слишком много следов в Брюсселе. Ваш почерк, ваша… прямолинейность. Я знал, что после визита к профессору Леклерку вы попытаетесь добраться до меня.

Он подошел к столу, не обращая внимания на направленное в пол оружие Алекса, и закрыл бювар со списками.

— Вы ведь думаете, что раскрыли великий заговор, верно? Нашли документы тридцать восьмого года, связали проводки, увидели списки. И теперь считаете нас чудовищами.

— Вы убили Жана. Вы пытались убить Мари Дюбуа. Вы ломаете жизни тысячам людей, отправляя их в психиатрические клиники или тюрьмы по сфабрикованным обвинениям. — Алекс не сводил глаз с Болье. — Как еще вас называть?

Старик тяжело вздохнул и оперся на трость обеими руками.

— Вы мыслите категориями уличного полицейского, Алекс. Вы видите только следствие. Вы не видите причину.

Он повернулся к окну, за которым чернела ночь.

— Посмотрите на этот мир. Он трещит по швам. Демократия стала синонимом хаоса. Люди дезориентированы, они ищут простых ответов, они готовы пойти за любым сумасшедшим, который пообещает им спасение. Терроризм, экономические кризисы, социальное расслоение. Общество нуждается в контроле. Жестком, невидимом контроле.

— И вы решили стать этим контролем? Используя методы старых репрессивных аппаратов?

— Методы не имеют моральной окраски. Они либо эффективны, либо нет. — Болье повернулся к нему. В его глазах не было ни злобы, ни торжества. Только

холодная прагматика. — Вы читали отчеты о массовых расстрелах в школах? О терактах? Знаете, кто всегда извлекает из этого выгоду?

— Вы.

— Мы, — поправил Болье. — Моя организация. Но не потому, что мы их организуем. А потому, что мы умеем направлять реакцию толпы. После каждого теракта, после каждого кризиса люди требуют безопасности. Они готовы отдать часть своих свобод в обмен на иллюзию защиты. И мы даем им эту иллюзию.

Он прошелся вдоль книжных полок, касаясь корешков кончиками пальцев.

— Антикультисты в России давно поняли, что страх перед «сектами» — это идеальный инструмент. Это страх перед невидимым врагом, который может проникнуть в твою семью, забрать твоих детей, твое имущество. Этот страх иррационален, и потому им так легко управлять.

Болье остановился у полки с историческими трудами.

— Вы думаете, нам есть дело до того, во что верят эти люди? До их медитаций или молитв? Нет. Нам нужен прецедент. Нам нужен образ врага. Когда мы уничтожаем небольшую группу, конфискуем ее имущество, отправляем лидеров за решетку — общество аплодирует нам. Мы становимся спасителями.

— А заодно пополняете свои счета, — бросил Алекс.

— Финансирование — это лишь топливо для механизма. Главное — это легитимность. Создавая угрозу, мы создаем потребность в нас. Мы лоббируем законы о психологическом насилии. Мы формируем экспертные советы. Мы определяем, кто нормален, а кто — нет.

Болье снова подошел к столу и постучал пальцем по кожаному бювару.

— И теперь, когда механизм отлажен, мы можем использовать его против кого угодно. Политик, который задает слишком много вопросов? Он оказывается под влиянием деструктивного культа. Журналист, копающий под наши фонды? У него обнаруживаются признаки параноидального расстройства, и профессор Леклерк любезно предоставляет заключение.

— Вы готовите массовую зачистку, — Алекс кивнул на списки. — По всей Европе.

— Это не зачистка, Алекс. Это стабилизация. — Голос Болье стал жестче. — Европа слаба. Ей нужна твердая рука. И мы обеспечим эту руку, убрав тех, кто сеет хаос и сомнения. Списки, которые вы видели, — это лишь первый этап. Через две недели мы инициируем серию арестов. Сфабрикованные дела? Да. Но суды примут их, потому что общественное мнение уже подготовлено нашими экспертами и СМИ. Мы создадим кризис, а затем предложим решение.

— И вы думаете, что сможете удержать это в тайне? База данных Леклерка у нас. Финансовые проводки Жана у нас.

Болье снисходительно улыбнулся.

— Вы всё еще не понимаете. Даже если вы опубликуете это, кто вам поверит? Беглый разведчик, обвиняемый в убийстве своего куратора? Журналистка, которую уже объявили психически нестабильной? Хакер-анархист? Мы просто назовем ваши документы фальшивкой, созданной иностранными спецслужбами для дестабилизации Европы. И общество поверит нам, потому что мы — респектабельные эксперты, а вы — маргиналы.

Старик посмотрел на часы.

— Наш разговор затянулся. Я ценю вашу смелость, Алекс, но вы стали слишком назойливы. Вы должны были умереть в Марселе. Вы должны были умереть в Лионе. Сегодня вы умрете здесь.

Он кивнул старшему группы захвата.

— Сделайте так, чтобы это выглядело как попытка вооруженного ограбления. Он проник в дом, сработала сигнализация, охрана была вынуждена открыть огонь на поражение.

Стволы пистолетов-пулеметов поднялись.

Алекс не стал дожидаться команды на открытие огня. Его левая рука, всё это время опущенная вдоль бедра, резко дернулась вверх. Из рукава водолазки в ладонь скользнул небольшой цилиндр. Светошумовой цилиндр. Он бросил

цилиндр под ноги Болье и рухнул за массивный дубовый стол, закрывая уши руками.

Взрыв в замкнутом пространстве кабинета был оглушительным. Вспышка света на мгновение ослепила всех, кто смотрел в ее сторону. Звуковая волна ударила по барабанным перепонкам, дезориентируя вестибулярный аппарат. Боевики инстинктивно нажали на спусковые крючки. Пули впились в деревянные панели, разбили стекло книжных шкафов, разорвали персидский ковер. Но стреляли они вслепую.

Алекс вскочил, не дожидаясь, пока рассеется дым. В его ушах стоял непрерывный звон, перед глазами плавали цветные пятна, но он помнил планировку. Он бросился к французскому окну, ведущему на балкон. Один из охранников, пошатываясь и мотая головой, оказался на его пути. Алекс на ходу ударил его рукояткой пистолета в висок, отбросив в сторону.

Стекло брызнуло во все стороны, когда он плечом выбил раму. Ночной воздух ударил в лицо. Балкон второго этажа. Внизу — гравийная дорожка и декоративный кустарник.

Сзади, в кабинете, кто-то закричал, раздались новые выстрелы. Пуля чиркнула по каменной балюстраде в сантиметре от его руки, осыпав лицо каменной крошкой.

Алекс не стал перелезать. Он просто шагнул в пустоту. Падение заняло долю секунды. Он сгруппировался, целясь в густые кусты самшита. Ветки хлестнули по лицу, разрывая кожу. Удар о землю выбил воздух из легких. Левое колено пронзила острая боль. Он перекатился по гравию, уходя с линии огня с балкона, и вскочил на ноги. Боль в колене заставила его стиснуть зубы, но адреналин глушил ее.

Над головой зажглись мощные прожекторы наружного освещения. Территория поместья превратилась в ярко освещенную сцену. Взревела сирена.

— Он на земле! Западное крыло! — раздался крик сверху.

Алекс, хромая, побежал к спасительной тени деревьев на границе участка. Позади захлопали выстрелы. Гравий взметнулся фонтанчиками справа и слева

от него. Он нырнул за толстый ствол векового дуба. Дыхание со свистом вырывалось из груди. В боку кололо. Где-то вдалеке послышался лай собак. Охрана спускала доберманов.

Алекс достал из кармана запасной магазин, сбросил пустой и загнал полный в рукоятку пистолета. Боль в колене становилась невыносимой, но он не мог позволить себе остановиться. Они знали, что он придет. Более использовал его предсказуемость. Старик был уверен в своей безнаказанности, уверен, что система, которую он выстроил, защитит его.

И он был почти прав. Списки, которые видел Алекс, означали, что времени больше нет. Операция уже запущена. Если они не остановят Более сейчас, через две недели Европа проснется в другой реальности. В реальности, где любой несогласный будет объявлен сумасшедшим или сектантом и изолирован от общества.

Лай собак приближался. Лучи фонарей шарили по кустам. Алекс глубоко вдохнул, подавляя боль, и растворился в темноте парка, направляясь к заранее подготовленной точке отхода за периметром. Охота на охотника обернулась ловушкой, но игра еще не была окончена. Он выжил. И теперь он знал их расписание.

Глава 9. Точка невозврата

Дверь черного хода открылась только после третьего условного стука. Изнутри пахнуло теплым хлебом, чесноком, жареным луком и чем-то еще — почти забытым ощущением нормальной жизни. Над дверью висела выцветшая табличка «У Луизы», но ставни были закрыты, а в витрине темнела картонка с надписью «Ремонт».

Элена первой протиснулась внутрь, поддерживая Алекса под плечо. Он шел сам, но каждая ступенька давалась ему ценой сжатых зубов. Травмированная

нога ныла тяжелой, тупой болью. Куртка на плече была разорвана, на лице запеклась кровь от мелких порезов.

— Сюда, быстро, — прошептала Майя, закрывая за ними дверь и задвигая два замка. — Камеры на улице я отвела от входа, но ненадолго.

Маленький ресторанчик прятался в боковой улице недалеко от канала Сен-Мартен. Днем сюда ходили таксисты, курьеры, студенты и старики из соседних домов. Ночью он превращался в убежище для тех, кому нельзя было светиться в гостиницах, больницах и полицейских участках.

Из кухни вышел невысокий мужчина с седой бородой и полотенцем через плечо. Самир, старый друг Майи, не задал ни одного лишнего вопроса. Он только окинул взглядом Алекса, увидел кровь и кивнул куда-то в глубину зала.

— На стол. Куртку снять. Ножи не пачкать, они для еды.

— У нас мало времени, — сказал Алекс.

— У людей с дырками в ногах всегда мало времени, — сухо ответил Самир. — Поэтому они иногда умирают глупее, чем могли бы.

Из подсобки вышла женщина лет пятидесяти в темном свитере. Ее звали Клэр. Когда-то она работала медсестрой в реанимации, потом ушла из больницы после того, как отказалась подделывать документы для одного слишком влиятельного пациента. Элена знала ее через Мари Дюбуа: Мари помогала Клэр с юридическими бумагами, когда ту пытались сломать дисциплинарной комиссией.

Клэр без приветствий осмотрела ногу Алекса, обработала глубокие порезы и нахмурилась.

— Сильный ушиб. Глубокие порезы. Кость, похоже, цела. Повезло.

— Я это и говорил, — пробормотал Алекс.

— Ты говорил «царапина». Это не царапина. Это твой организм пока не понял, что имеет право упасть.

Элена впервые за много часов почти улыбнулась. Улыбка вышла кривой, усталой, но настоящей. Майя стояла у окна, проверяя улицу через маленькую щель между ставнями, и нервно постукивала пальцами по корпусу планшета.

Самир поставил на стол глубокие тарелки с чечевичным супом, корзину хлеба, кувшин воды и большую сковороду с картофелем, яйцами и зеленью. Еда выглядела простой, почти бедной, но запах был таким, что у Элены внезапно закружилась голова. Она поняла, что с утра жила на кофе, страхе и злости.

— Ешьте, — сказал Самир. — Героизм на пустой желудок превращается в истерику.

Они ели молча первые несколько минут. Алекс сначала отказался, потом Клэр молча ткнула его ложкой в руку, и он подчинился. Майя ела быстрее всех, будто боялась, что тарелку отнимут. Элена медленно макала хлеб в суп и чувствовала, как тепло возвращается в пальцы.

Никто не произносил слова «уют». Но именно это и было перед ними: закрытый ресторан, горячая еда, чужие люди, которые внезапно стали своими, и короткая пауза среди охоты.

— Мари жива, — тихо сказала Элена, когда Клэр затягивала новый бинт на ноге Алекса. — Клэр получила сообщение через больничный канал. Ее перевели под чужой фамилией. Состояние тяжелое, но стабильное.

Алекс поднял взгляд.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что раньше мы сами не знали, проживет ли она ночь. И потому что каждый лишний человек, знающий палату, повышает риск. Мари была не просто источником. Она была моей подругой. Мы обменивались документами почти три месяца.

Майя перестала стучать пальцами.

— Значит, она может подтвердить часть схемы лично.

— Если выживет, — сказала Клэр. — И если ее не найдут раньше.

В зале повисла тяжелая тишина. За закрытыми ставнями проехала машина. Все четверо замерли, пока звук мотора не растворился в ночи.

— Тогда у нас есть не только мертвые, за которых нужно отвечать, — произнес Алекс. — У нас есть живой свидетель, которого нужно защитить.

Элена кивнула.

— И причина закончить это сегодня.

Майя развернула планшет на столе, отодвинув тарелку. На экране светилась карта Парижа, поверх которой были наложены линии связи, подземные тоннели и контуры старых административных зданий.

— Я пересмотрела вариант с коллектором, — сказала она. — Он слишком очевиден. Болье уже ищет нас по тем маршрутам. Если мы полезем к кабелю под улицей, нас зажмут с двух сторон. Это смертная коробка.

— Альтернатива? — спросил Алекс.

Майя увеличила фрагмент карты. Красная точка мигнула на здании старой телекоммуникационной станции у границы делового квартала.

— Вот. Узел магистрального оптоволокна. Формально здание числится как архивный центр и резервная станция связи для финансовых и правительственных каналов. На самом деле это точка присутствия: туда заходят магистральные линии, а на верхнем техническом этаже стоит распределительная стойка, через которую можно запустить заранее подготовленную рассылку через несколько независимых каналов.

— Почему верхний этаж? — спросила Элена.

— Потому что нижний уровень заперт аппаратно и пишет все обращения в журнал. А верхняя стойка аварийная. Она рассчитана на обход при катастрофах. Там меньше автоматики, больше старого железа. Если подключиться напрямую, я смогу отправить пакет до того, как они поймут, какой именно канал открыт.

— Охрана? — спросил Алекс.

— Ночная смена частная. Но после твоего визита к Болье они наверняка усилены. И если Болье поймет, куда мы идем, пришлет не охрану.

— Наемников, — закончила Элена.

Майя кивнула.

Клэр закончила повязку и посмотрела на Алекса поверх очков.

— На эту ногу нельзя давать нагрузку.

— Я не собираюсь танцевать.

— Ты собираешься воевать на лестнице. Это хуже.

Самир принес кофе в маленьких стаканах. На этот раз никто не отказался.

— Я знаю это здание, — сказал он неожиданно. — Не изнутри. Но грузовой вход выходит во двор. Там по утрам выгружают оборудование. Старый замок, старая камера, слепая зона между мусорными контейнерами. Если вам нужно попасть внутрь, входите через двор.

— Почему ты нам помогаешь? — спросил Алекс.

Самир пожал плечами.

— Потому что однажды люди с красивыми удостоверениями пришли к моему брату и объяснили ему, что его община опасна для общества. Через полгода у брата не было бизнеса, дома и здоровья. В газетах написали, что он сам виноват. Я не люблю красивые удостоверения.

Элена посмотрела на него иначе. В этой войне вдруг стало больше лиц, больше тихих потерь, больше людей, которые до сих пор молчали не потому, что им было всё равно, а потому, что им некуда было говорить.

Майя открыла новый файл и начала собирать пакет.

— Слушайте план. Мы заходим через грузовой вход на первом уровне. Я поднимаюсь на верхний технический этаж. Лифт грузовой, старый, с ручным сервисным режимом. Если я доберусь до двенадцатого, я заблокирую кабину между этажами, чтобы они не смогли воспользоваться шахтой.

— А мы? — спросила Элена.

— Вы с Алексом остаетесь внизу и выигрываете мне время.

Алекс покачал головой.

— Мы пойдем за тобой по лестнице.

— Если пойдете сразу за мной, они пойдут тоже. Мне нужны восемь минут наверху. Лучше десять. Вы должны заставить их терять время на каждом этаже.

Элена медленно поняла, что предлагает Майя.

— Мы будем отступать вверх.

— Да. Первый этаж, второй, третий. Закрывать двери, ломать освещение, включать пожарные преграды, сбивать их с темпа. Они лучше вооружены, но здание старое. Там узкие лестницы и тяжелые противопожарные двери. Если вы будете двигаться, а не стоять насмерть, у вас есть шанс.

— Чудесно, — сказал Алекс. — План построен на словах «если» и «шанс».

— Все хорошие планы так построены, — ответила Майя. — Просто плохие планы врут, что это не так.

Элена взяла один из пистолетов, лежавших на столе. Рука дрожала, но уже не от страха. Скорее от усталости.

— Мы делаем это не ради красивой сцены в новостях, — сказала она. — Пакет должен уйти так, чтобы его нельзя было назвать одиночным вбросом. Судьи, прокуроры, редакции, депутатские офисы в Европарламенте, правозащитные каналы, юристы, работающие с международными полицейскими структурами, правозащитники, независимые расследователи. Все одновременно.

— Уже готовлю зеркала, — Майя повернула планшет. — Пакет разобьется на блоки. Каждый получатель получит не только документы, но и хэши, цепочку проверок, архивные индексы. Они смогут сверять между собой. Если один сервер упадет, другой продолжит раздачу.

— Без подробностей, — поморщился Алекс. — Мне нужно знать только одно: после ста процентов Болье не сможет это остановить?

— Не сможет. Сможет отрицать, угрожать, покупать экспертов, кричать о фальшивках. Но вернуть данные в темноту уже не сможет.

Клэр положила перед Алексом маленький пакет с антибиотиками и обезболивающими.

— Это не делает тебя бессмертным.

— Я и раньше подозревал.

— Нет, не подозревал, — сказала Элена.

На этот раз улыбнулись все трое. Коротко, почти виновато. Им было страшно. Им было больно. Они были слишком усталыми для героических речей. И именно поэтому эти несколько секунд смеха значили больше, чем любые клятвы.

Самир завернул остатки хлеба и несколько кусков курицы в бумагу.

— Возьмите. Если выживете, будете голодны. Если нет, я обижусь, что готовил зря.

Майя спрятала сверток в рюкзак рядом с кабелями и терминалом. Через двадцать минут они вышли через заднюю дверь. Дождь закончился, но асфальт еще блестел в желтом свете фонарей. Париж спал, не зная, что по нему уже двигаются люди, которым нечего было терять.

Фургон Самира был старым, с вмятиной на крыле и запахом специй в салоне. Элена сидела рядом с Алексом, проверяя карту здания. Майя на заднем сиденье молчала, обняв рюкзак, словно в нем было не оборудование, а живое сердце.

— Скажи честно, — произнесла Элена, не поднимая глаз от планшета. — Если станет плохо, ты скажешь?

— Нет, — ответил Алекс.

— Я так и думала.

— Но упаду я красиво.

— Не надо красиво. Надо поздно.

Майя тихо фыркнула. В этой короткой перебранке было что-то почти семейное. Не романтика, не флирт, не игра в близость. Другая связь: люди,

которые видели друг друга испуганными, ранеными, злыми, смешными — и всё равно решили идти вместе.

Старая станция связи показалась в конце улицы без вывесок и огней. Серое здание двенадцати этажей, узкие окна, закрытые металлические жалюзи на первом уровне. Оно выглядело не как крепость, а как место, о котором город давно забыл. Именно такие места лучше подходят для тайных войн.

Самир остановил фургон за квартал до цели.

— Дальше пешком.

— Спасибо, — сказала Элена.

— Не благодарите. Вернитесь и заплатите за ужин.

Они вышли под козырек закрытой аптеки. Алекс проверил оружие, Элена закрепила на ухе маленький наушник, Майя спрятала волосы под капюшон.

— Клэр сказала, что Мари может очнуться к утру, — тихо произнесла Элена.

Алекс посмотрел на темные окна станции.

— Тогда сделаем так, чтобы она проснулась уже не в мире, где им всё сходило с рук.

Они пересекли улицу по одному, растворяясь в тенях. Грузовой двор оказался именно там, где говорил Самир: узкий проезд, контейнеры, сломанный фонарь и старая камера, лениво смотрящая в стену.

Майя подняла планшет.

— Камера слепая. Замок электронный, но древний. Дайте мне полминуты.

— У тебя двадцать, — сказал Алекс.

— Тогда не дышите мне в затылок.

На следующей попытке замок тихо щелкнул. Они вошли в темный коридор служебной зоны. Где-то глубоко внутри здания гудели вентиляторы.

— Лестница слева, лифт прямо, — прошептала Майя. — Я поднимаюсь.

— Одна? — спросила Элена.

— Если я не уйду сейчас, мы потеряем окно. Вы оба мне нужны ниже.

Алекс хотел возразить, но в этот момент за наружной стеной послышался низкий рокот моторов. Один, второй, третий. Не полицейские сирены. Глухой звук тяжелых машин.

Элена посмотрела на экран камеры у входа.

— Черные фургоны. Без номеров.

— Больше, — сказал Алекс.

Майя побледнела, но шагнула в грузовой лифт. Двери начали закрываться.

— Восемь минут, — сказала она. — Дайте мне восемь минут.

— Получишь десять, — ответила Элена.

Двери сомкнулись. Лифт дернулся и пошел вверх.

Алекс и Элена остались внизу, в темном служебном коридоре, слушая, как снаружи открываются двери фургонов и по мокрому асфальту начинают бежать чужие тяжелые шаги.

— Готова? — спросил Алекс.

Элена сняла предохранитель.

— Нет.

— Хорошо. Я тоже.

Первая металлическая дверь в конце коридора распахнулась от удара. Лучи фонарей резанули темноту. Алекс выстрелил в лампу над ними. Коридор погрузился в черноту, и ночь внутри здания началась.

Глава 10. Рассвет над Парижем

Первый этаж они отдали через сорок секунд.

Алекс не пытался удержать коридор. Он дважды выстрелил по свету, заставил первую группу наемников прижаться к стене, затем дернул Элену за рукав и увел ее к лестнице. За их спинами посыпалось стекло, загрохотали ботинки, кто-то скомандовал коротко и зло.

— Они входят двумя группами, — голос Майи звучал в наушнике с помехами. — Лифт на восьмом. Я поднимаюсь выше. Сервисный режим держится.

— Не разговаривай, работай, — сказал Алекс.

— Я могу делать два чуда одновременно.

На втором этаже Элена ударила ладонью по кнопке пожарной тревоги. В коридоре завыла сирена, с потолка сорвалась вода. Старые распылители работали не везде, но там, где работали, видимость сразу стала хуже. Алекс скинул в проход металлический шкаф с папками. Он рухнул поперек коридора, рассыпав по полу архивные коробки.

— Они обходят через восточную лестницу, — сказала Майя.

— Понял.

— Алекс, у тебя кровь на ступенях.

Он посмотрел вниз. На сером бетоне действительно оставались темные следы.

— Значит, им будет проще не заблудиться.

Элена выругалась, схватила из шкафа пакет с порошком для уборки и рассыпала его по лестнице за ними. Белая пыль смешалась с водой и кровью, превращая ступени в скользкую кашу.

— Журналистика многому учит, — сказала она, заметив взгляд Алекса.

На третьем этаже наемники настигли их почти вплотную. Один успел просунуть ствол в дверной проем. Алекс ударил по оружию тяжелым огнетушителем, Элена захлопнула противопожарную дверь, и ствол зажало между дверью и косяком. Наемник вскрикнул. Алекс выстрелил в панель замка. Механизм заклинило.

— Это задержит их? — спросила Элена.

— На минуту.

— Нам нужно восемь.

— Значит, найдем еще семь минут.

Наверху лифт остановился с металлическим стоном.

— Я на двенадцатом, — выдохнула Майя. — Блокирую кабину.

В динамике послышался скрежет, потом глухой удар.

— Готово. Лифт умер героически.

— Теперь уходи к стойке, — сказал Алекс.

— Уже бегу.

Майя выскочила из лифтового холла на верхнем техническом этаже. Здесь не было ковров, стеклянных дверей и офисной тишины. Только голый бетон, кабельные лотки под потолком, зеленоватый аварийный свет и тяжелая дверь с табличкой «Accès technique». За дверью гудело сердце станции.

Она приложила к замку дешифратор. Красный индикатор моргнул один раз, второй. На экране появилась надпись: «Отказано».

— Конечно, — прошептала Майя. — Почему бы тебе просто не открыться в самый важный момент моей жизни.

Она вытащила из рюкзака короткий кабель, сняла крышку панели и подключилась напрямую. Пальцы перестали дрожать. Страх никуда не делся, но стал фоном. Перед ней был замок, протокол, питание, линия. С этим она умела разговаривать.

На четвертом этаже Алекс и Элена отступали через бухгалтерский архив. Узкие проходы между стеллажами превращали преимущество наемников в проблему: длинные автоматы цеплялись за металл, бронежилеты мешали разворачиваться. Алекс стрелял редко, только чтобы остановить рывок. Элена сбрасывала за собой коробки, гасила свет и закрывала двери на все, что попадалось под руку.

— Они профессионалы, — прошептала она, когда они перевалили через очередной ряд архивных ящиков.

— Поэтому мы живы, — ответил Алекс.

— Объясни.

— Любители уже стреляли бы во все подряд. Эти боятся повредить узел. Пока им нужен терминал Майи, они сдерживаются.

Сдерживались они недолго. Очередь прошила верхние полки, осыпав их бумажной трухой. Элена пригнулась, Алекс толкнул ее к двери.

— Пятый этаж.

— Ты хромаешь сильнее.

— Я всегда хотел индивидуальный стиль.

Она не стала отвечать. Просто подставила плечо, и он на секунду позволил себе опереться на нее. Брат и сестра по несчастью, по выбору, по общей ярости. Не любовь в красивом журнальном смысле. Нечто надежнее: понимание, что другой не уйдет, даже если уйти было бы разумно.

На двенадцатом этаже замок сдался. Дверь технического помещения открылась, и Майя оказалась перед стойками распределения. Сотни тонких оптоволоконных линий уходили в панели, помеченные сухими кодами. Никакой магии. Только стекло, свет и скорость. Но через эти нити проходила власть: банковские ордера, правительственные сообщения, закрытые каналы, экстренные маршруты.

— Я на месте, — сказала она. — Начинаю подключение.

— Сколько? — спросил Алекс.

— Если не умру от восторга перед старым французским оборудованием — семь минут.

— У тебя пять.

— У меня всегда пять.

Она разложила терминал на полу, подключила батарею, достала оптический модуль. Не было времени делать красиво. Нужно было сделать так, чтобы пакет ушел сразу в несколько независимых каналов, распался на зеркала и собрался уже у получателей. Не один слив, который можно назвать фальшивкой. Тысячи независимых копий, сверяемых друг с другом.

На пятом этаже их ждал первый настоящий провал. Дверь восточной лестницы открылась раньше, чем Алекс успел ее заблокировать. Двое наемников вошли синхронно, низко, прикрывая друг друга. Алекс успел выстрелить одному в плечо, но второй ударил его прикладом в бок. Воздух вышел из легких. Пистолет упал на пол.

Элена выстрелила не в человека, а в потолочный светильник над ним. Стекло осыпалось на визор. Наемник дернулся, и этой секунды хватило Алексу, чтобы ударить его коленом в бедро и толкнуть в стеллаж. Металл завалился, придавив противника коробками и папками.

— Алекс!

— Иду.

Он поднял пистолет. Руки слушались хуже. Боль в ноге уже не была отдельной точкой. Она расползалась по телу, делала мир слишком ярким и слишком медленным.

— Подключение есть, — сказала Майя. — Формирую пакеты. Десять процентов.

— Только десять? — спросила Элена.

— Я отправляю не открытку.

Шестой этаж был пустым офисным пространством. Слишком открытым. Плохое место для тех, у кого мало патронов и один раненый. Алекс сразу понял

это и не стал входить глубоко. Он выстрелил в стеклянную перегородку переговорной, Элена бросила внутрь дымовую шашку, оставшуюся из сумки. Дым расползся под потолком, скрывая их отход к лестнице.

Наемники шли следом. Не толпой, не в панике. Методично. С каждым этажом они поджимали героев ближе к верхнему уровню, как охотники, уверенные, что добыча выдохнется раньше.

— Тридцать процентов, — сказала Майя. — Канал держится.

На экране ее терминала строки сменяли друг друга слишком быстро для человеческого глаза. Пакет уходил частями: база Леклерка, финансовые проводки Жана, списки Болье, архивные сканы, переписка, схемы подставных фондов, документы по рейдерским захватам, материалы Мари Дюбуа, ее собственные заметки и записи разговоров с Эленой. Каждый блок получал подпись, маршрут, зеркало.

Телефон Майи завибрировал. Не звонок, а системное предупреждение: кто-то пытался перехватить канал на внешнем узле.

— Они проснулись, — прошептала она.

На седьмом этаже Элена получила удар осколком по щеке. Кровь тонкой линией пошла к подбородку. Алекс хотел остановиться, но она сама толкнула его вперед.

— Даже не думай.

— Я ничего не сказал.

— Ты громко молчишь.

Он почти рассмеялся, но смех превратился в кашель.

— Сорок процентов, — сказала Майя. — Мне блокируют два маршрута. Открываю резервные.

— На верх идут трое, — сказала Элена, глядя на планшет. — Они нашли служебную лестницу с северной стороны.

— Майя, к тебе поднимаются, — сказал Алекс.

— Слышу.

Она подняла голову. За дверью технического этажа действительно послышались шаги. Не снизу, откуда шли Алекс и Элена, а сбоку, из короткого коридора аварийного доступа. Значит, в здании был еще один путь. Значит, план уже ломался.

Майя огляделась. Стойки, кабели, терминал, маленький огнетушитель, металлическая тележка с инструментами. Она подперла дверь тележкой, сняла со стены тяжелый гаечный ключ и вернулась к клавиатуре.

— Пятьдесят процентов.

Внизу, между восьмым и девятым этажами, Алекс остановился. Не от боли. От понимания.

— Они идут к ней не за нами.

— Что?

— Основная группа гонит нас вверх. Маленькая группа идет напрямую к Майе. Мы не успеем, если будем просто отступать.

Элена посмотрела на лестничный пролет, потом вниз, где уже слышались голоса.

— Тогда разделимся.

— Нет.

— Да. Ты держишь лестницу. Я через внутренний коридор выйду к северному проходу.

— У тебя нет подготовки.

— Зато у меня есть карта, пистолет и злость.

Он хотел запретить. Очень хотел. Но запретить ей означало сделать вид, что она не была тем же, чем был он: человеком, который уже выбрал риск.

— Две минуты, — сказал он. — Потом назад.

— Командуешь, как старший брат.

— Терпишь, как младшая сестра.

Она ушла, не оборачиваясь.

Алекс остался на лестнице один. Снизу поднялись первые силуэты. Он выстрелил один раз, второй, заставляя их уйти за перила. Потом бросил вниз последний дымовой цилиндр. Белая пелена заполнила шахту. Он начал подниматься, ступень за ступенью, оставляя за собой боль, кровь и слишком мало времени.

Элена бежала через восьмой этаж, ориентируясь по плану на планшете. Коридор вывел ее к узкой служебной лестнице. Сверху доносились удары — кто-то ломал дверь к Майе.

— Шестьдесят пять, — сказала Майя. Голос был ровным, но слишком быстрым. — Дверь долго не продержится.

— Я рядом, — ответила Элена.

— Ты что значит рядом?

— Потом ругайся.

Первый наемник уже просунул руку в щель между дверью и косяком, пытаясь отодвинуть тележку. Элена поднялась на площадку снизу и ударила по выключателю освещения. Коридор погас. Наемник обернулся. Она выстрелила ему под ноги. Пуля ударила в бетон, подняв крошку. Он отпрянул, давая Майе несколько секунд.

— Семьдесят процентов! — крикнула Майя.

Вторая фигура появилась из темноты за первой. Элена отступила, стреляя по стенам и полу, не давая им понять, сколько у нее патронов. На самом деле их оставалось три.

Алекс вышел на девятый этаж и услышал выстрелы сверху. Он ускорился, хотя нога почти не держала. На лестнице за ним снова появились преследователи. Один выстрел прошил перила в сантиметре от его руки.

— Восемьдесят, — сказала Майя. — Пошли подтверждения. Интерпол принял. Две редакции приняли. Европарламентский сервер принял.

— Продолжай, — прохрипел Алекс.

Дверь технического помещения сорвалась с нижней петли. Майя видела, как металл прогибается. Терминал на полу вибрировал от ударов. В строке прогресса цифры ползли мучительно медленно.

Элена появилась в коридоре сбоку, лицо в крови, рука с пистолетом опущена.

— У меня пусто!

— У меня почти! — ответила Майя.

Наемник выбил дверь окончательно. Тележка отлетела в сторону. Он вошел, подняв автомат.

В этот момент Алекс добрался до верхней площадки и врезался в него сбоку всем весом. Оба упали на пол. Автоматная очередь ушла в потолок, разрывая кабельные лотки и осыпая помещение искрами.

— Не стреляйте по стойке! — заорал кто-то в рации. — Повторяю, не стреляйте по стойке!

— Девяносто два! — Майя почти кричала.

Алекс и наемник боролись на полу. Алекс был слабее, ранен, истощен. Но у него была близкая дистанция, локти, зубы, грязная злость человека, которому слишком часто предлагали лечь и умереть. Он ударил противника лбом в переносицу, вырвал нож из его разгрузки и швырнул в сторону, чтобы тот не достался никому.

Элена схватила тяжелый гаечный ключ и ударила второго наемника по руке, когда тот целился в Майю. Автомат упал. Он оттолкнул Элену так, что она ударилась спиной о стойку, но не упала.

— Девяносто семь!

Наемник, которого сбил Алекс, дотянулся до пистолета на бедре. Алекс увидел движение слишком поздно.

Выстрел оглушил помещение. Пуля ударила в терминал Майи. Экран треснул, погас и снова вспыхнул белым. Майя застыла. На долю секунды мир стал пустым. Потом на разбитом экране, сквозь трещины, появилась последняя строка: 100%. «Передача завершена». Майя выдохнула так, будто до этого не дышала несколько минут.

— Ушло, — сказала она. — Все ушло.

В коридоре зазвонили телефоны. Сначала один. Потом сразу несколько. Рации наполнились голосами, уже не уверенными, не холодными, а раздраженными и испуганными.

— Подтвердите приказ.

— Отход.

— Повторите.

— Всем группам отход. Огонь прекратить. Объект больше не приоритет. Данные ушли. Не оставлять дополнительных следов.

— Мы можем добить их.

Пауза. Затем другой голос, низкий, знакомый по поместью Болье:

— Я сказал: отход. Сейчас. Каждый лишний труп теперь работает против нас.

Шаги начали удаляться. Один из раненых наемников выругался, но его подняли и потащили к лестнице. Через минуту в здании остались только гудение оборудования, запах пороха и трое людей, которые никак не могли поверить, что еще живы.

Алекс сел прямо на пол. Пистолет выпал из руки. Элена сползла рядом, держась за бок. Майя смотрела на разбитый терминал, словно на погибшего друга.

— Он умер героем, — сказала она глухо.

— Кто? — спросила Элена.

— Терминал. Не перебивай траур.

Алекс рассмеялся первым. Тихо, хрипло, почти болезненно. Потом засмеялась Элена. Потом Майя. Смех длился несколько секунд и оборвался сам собой, потому что у всех троих не осталось сил.

На телефон Элены начали приходить уведомления. Она подняла экран, и лицо ее изменилось.

— Первое сообщение было не из новостей. Его прислал редактор маленького расследовательского проекта в Брюсселе: «Архив получен. Хэши совпали. Начинаем проверку. Публикации сразу не будет — слишком много юридических рисков».

Майя схватила телефон.

— Смотри. Прага подтвердила получение. Рим тоже. Один адвокат из Варшавы пишет, что передаст часть материалов коллегам, но только после сверки источников. Никто не обещает чуда. Они просто не удалили письмо. Уже хорошо.

Алекс поднялся с трудом.

— Полиция?

— Едет, — сказала Элена. — Скорее всего, обычный наряд. Может быть, кто-то из журналистов успеет подъехать позже. Но сейчас — только полиция и наши следы на лестнице.

Они выбрались на крышу через последнюю служебную лестницу. Дверь была тяжелой, заржавевшей, но поддалась. Холодный утренний воздух ударил в лицо, смывая запах пороха, пыли и перегретого пластика.

Париж лежал под ними серый, мокрый и равнодушный. На востоке небо светлело, тонкая бледная линия разрезала край домов. После ночи, полной подвалов, крови и кабелей, этот свет казался не победой, а просто началом нового дня.

Майя подошла к парапету и обняла себя руками.

— Мы сделали это?

— Мы отправили пакет, — сказал Алекс.

Элена посмотрела на город. Ее телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение пришло от Клэр.

Она прочитала его и закрыла глаза.

— Мари очнулась.

Майя резко обернулась.

— Что?

— Клэр пишет: Мари очнулась. Слаба, но в сознании. Просила передать, что у нее есть еще один список. И что она знала, что мы не остановимся.

Алекс долго молчал. Потом кивнул, и в этом движении было больше усталости, чем торжества.

— Значит, она будет не символом. Свидетелем.

— И другом, — сказала Элена.

Они стояли рядом, трое измученных людей на крыше старой станции связи. Не любовники, не легендарные герои, не безупречные спасители мира. Просто бывший оперативник, журналистка и хакер, которых система попыталась раздавить поодиночке и тем самым научила держаться вместе.

Сирены внизу становились громче. Никаких новостных дронов в небе не было. Никаких толп у входа. Только мокрые крыши, редкие окна с ранним светом и несколько файлов, которые теперь лежали в чужих почтовых ящиках, ожидая проверки.

— Болье уйдет? — спросила Майя.

— Попытается, — ответил Алекс.

— А сеть?

Элена посмотрела на рассвет.

— Сеть будет делать то, что такие сети делают всегда: отрицать, затягивать, угрожать судами, искать слабое место в каждом документе и в каждом свидетеле. Она не рухнет за одно утро. Такие системы вообще редко умирают сразу. Чаще

они меняют вывески, жертвуют мелкими исполнителями и продолжают работать тише.

— Гидра, — тихо сказала Майя.

— Да, — кивнул Алекс. — Но теперь у нас есть то, что можно положить на стол адвокату.

Телефон Элены снова завибрировал. Потом телефон Майи. Потом старый аппарат, который Самир сунул им «на всякий случай». Сообщения приходили одно за другим: короткие, осторожные, без громких обещаний. «Получил». «Сверим подписи». «Нужно подтверждение второго источника». «Не пишите с этого номера». «Мари должна дать показания, если сможет».

Это еще не было движением. Это даже не было расследованием. Пока это была только тонкая цепочка людей, которые не нажали кнопку «удалить».

— Они хотят встретиться, — сказала Майя. — Не все. Один адвокат готов говорить. Один журналист просит сорок восемь часов. Врач из Лиона написал, что видел похожие заключения, но боится называть имя.

Элена провела ладонью по лицу. На пальцах осталась кровь, пыль и черная тушь от расплывшегося макияжа.

— Тогда это хотя бы не конец.

Алекс посмотрел на нее и на Майю. Впервые за долгое время его лицо стало не просто жестким, а живым.

— У нас есть несколько человек, которые ответили.

— Иногда с этого и начинается команда, — сказала Майя.

Элена протянула руку. Майя положила свою сверху. Алекс задержался на секунду, будто такие жесты были для него сложнее перестрелок, потом накрыл их ладони своей.

Внизу хлопнула дверь, послышались голоса. Им нужно было уходить, объясняться, прятаться или, возможно, впервые за все эти дни говорить вслух с теми, кто готов слушать. Но этот короткий миг на крыше принадлежал только им.

Париж светлел медленно и безучастно. И пока серый утренний свет проступал между крышами, «Атанор» еще никуда не отступал. Его юристы, вероятно, уже готовили опровержения. Его кураторы уже искали, кого назначить виновным. Его эксперты уже подбирали слова, чтобы назвать архив фальшивкой. Но часть его тайны впервые оказалась вне его сейфов.

Впереди были суды, расследования, новые угрозы, новые предательства и новые союзники. Впереди была долгая борьба с системой, которая слишком долго называла насилие защитой, а ложь — экспертизой. Но этой ночью они выжили. И несколько человек, где-то в Праге, Риме, Брюсселе и Лионе, открыли полученные файлы и не отвернулись сразу. На это пока и можно было опереться.